

Генрих Лаубе

Графиня Шатобриан

Генрих Лаубе
Графиня Шатобриан

«Public Domain»

1843

Лаубе Г.

Графиня Шатобриан / Г. Лаубе — «Public Domain», 1843

«Он остановил коня и стал прислушиваться. Но конь его, горячей андалузской породы, тряс уздечкой и бил копытами о древесные пни, так что трудно было расслышать что-либо. Между тем лошадь другого всадника, походившая на мула, стояла неподвижно. Как лошади, так и всадники представляли собой полную противоположность. Всадник, сидевший на андалузском коне, был высокий красивый человек, с коротко обстриженными каштановыми волосами и окладистой бородой, какую носили тогда французские дворяне в подражание королю. Его платье из дорогих цветных материй, хотя и запыленное и забрызганное грязью от путешествия, резко отличалось от темной одежды и грубого волосяного плаща его спутника, которого, несмотря на бороду, можно было признать за католического монаха по бледно-желтому цвету лица...»

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	26
Глава 4	33
Глава 5	44
Глава 6	53
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Генрих Лаубе Графиня Шатобриан

Die Gräfin Chateaubriand

Русский перевод 1881 г. (без указания переводчика).

Перевод взят с: С.-Петербург, изд. кн. магазина "Новое время", 1881 г.

Глава 1

– Вы, право, странный народ, господа ученые! День и ночь ломаете себе голову, воображаете, что с помощью искусственных формул и вычислений вам удастся разрешить вопросы, недоступные человеческому уму! Через это вы лишаете себя возможности наслаждаться солнечным днем, теплой ночью и всем тем, чем наслаждаются простые смертные!

– Кто вам сказал, что наш ум не может перешагнуть за пределы земли и что это всегда останется недостижимым для нас?

– Кто сказал! Да я сужу по себе. Природа ничем не обидела меня. Разве я глупее других людей, дурно сложен или слабее вас, господин канцлер! Вся Франция подымет на смех того, кто бы стал утверждать это!

– Разумеется, никто не решится сказать что-либо подобное о самом счастливом и богато одаренном человеке в целой Франции, который был назначен адмиралом, не имея ни малейшего понятия о морской службе!

– Смейтесь надо мной сколько угодно! Мы одни, и потому я вовсе не в претензии, что вы не доверяете моим адмиральским способностям. Но мне обидно, что у вас явилось сомнение в моих умственных способностях.

– Я никогда не позволю себе сомневаться в вашем уме! Это было бы оскорбительно для короля Франциска I, который отдал вам предпочтение перед всеми окружающими его.

– Значит, вы признаете, Бюде, что я имею право голоса в таком вопросе, как существование души у людей. Но сколько я ни напрягал свой ум, загробная жизнь все-таки представлялась мне покрытой непроницаемой тьмой. Не прерывайте меня! Я хорошо помню все ваши формулы, аргументы и выводы. Вы достаточно угощали ими короля и нас в длинные зимние вечера! Мне не трудно повторить их в последовательном порядке, подбирая одно к другому, нить за нитью, не хуже любого ткача и восстановить всю ткань. Тем не менее я смело утверждаю, что добытые вами результаты ни к чему не ведут и все, чего нельзя понять простым умом без ваших формул, – сущий вздор!

– Из ваших слов выходит, что нужно довольствоваться тем, что есть. Зачем объезжаете вы своих коней? Разве они не совершенствуются от дрессировки?..

– Тише! Мне послышался лай охотничьих собак! – сказал адмирал.

Он остановил коня и стал прислушиваться. Но конь его, горячей андалузской породы, тряс уздечкой и бил копытами о древесные пни, так что трудно было расслышать что-либо. Между тем лошадь другого всадника, походившая на мула, стояла неподвижно. Как лошади, так и всадники представляли собой полную противоположность. Всадник, сидевший на андалузском коне, был высокий красивый человек, с коротко обстриженными каштановыми волосами и окладистой бородой, какую носили тогда французские дворяне в подражание королю. Его платье из дорогих цветных материй, хотя и запыленное и забрызганное грязью от путешествия, резко отличалось от темной одежды и грубого волосяного плаща его спутника, которого, несмотря на бороду, можно было признать за католического монаха по бледно-желтому цвету лица.

Они ехали уже несколько часов по огромному буковому лесу, который в нынешнее время составляет редкость во Франции, даже в Нормандии, наиболее богатой лесами. Тогда еще мало было проведено дорог, особенно в отдаленных пограничных провинциях, как Бретонь, где находился лес, по которому приходилось ехать двум всадникам. Они руководствовались в своем пути положением солнца и ехали большей частью луговинами, где пропадал всякий след колес на почве, поросшей мхом и покрытой древесными пнями. Солнце светило во всем блеске, что случается довольно редко в туманной Бретони. В эту минуту оно клонилось к закату, освещая красновато-желтым светом верхушки необъятного букового леса и спины

всадников. Был не только поздний час дня, но и конец лета; изредка слышалось щебетание нескольких птиц, затем наступала та своеобразная лесная тишина, где в шелесте листьев проносятся по временам таинственный непонятный шепот.

– Я ничего не слышу, – сказал, наконец, старший всадник в темном платье, прервав молчание.

– А я слышу, – возразил с досадой другой. – Вы свыклись с кабинетной жизнью и потому в лесу не можете уловить тех звуков, по которым привычный человек рисует себе картины и сцены, происходящие на далеком расстоянии от него.

– Разве не то же бывает в умственной жизни! Ваши слова служат опровержением высказанных вами положений против пользы научных исследований. Философы видят больше, нежели люди, никогда не упражнявшие свою мыслительную способность.

– Пусть будет по-вашему! Только сделайте одолжение, не возбуждите новых смут в стране своими философскими бреднями. Мы едва справляемся с непокорным дворянством, а вы еще хотите навязать нам на шею священников и свести с ума простодушных буржуа и крестьян. Предоставьте это скучным мудрствующим немцам и тупоумным испанцам; чем больше будут немцы ерошить на себе волосы, а испанцы наделают хлопот своему бледнолицему императору, тем лучше для нас. Придумайте и изобретите что-нибудь новое, хотя бы вроде того учения, которое распространяет теперь саксонский монах; мы не прочь принять его, если окажется что-нибудь хорошее.

– Но ведь это не так легко, как вам кажется! В делах религии всякий должен сам до всего додуматься.

– Тем не менее, господин канцлер, вы не должны толковать с королем о подобных вещах. Он охотно слушает вас, и, к сожалению, все новое и всякий риск нравятся ему. Но если вы будете слишком медлить, то горе вам! Готовьтесь к самому худшему, если короля охватит нетерпение.

– Не беспокойтесь, господин адмирал. Мы люди мирные. Если человек пробует свои силы, старается познакомиться с делом, то это еще не значит, что он хочет пустить его в ход.

Всадники замолчали, так как забота о дороге и ночлег мало-помалу поглотила их внимание. Они продолжали путь шагом, направляясь к Луаре в надежде застать короля если не в Нанте, то в Туре или Блуа. Их служители заблудились и отстали от них; как господа, так и слуги, не зная местности, ехали наугад.

– Это охота! Теперь никто не разуверит меня в этом! – воскликнул младший всадник, осадив снова свою лошадь. – Как громко лают собаки! Должно быть, они выгнали кабана!

Путники остановились у склона горы, который представлял собой острый угол; в нескольких саженях от них виднелось озеро. Солнечные лучи, пробивая густую листву буковых деревьев, фантастически освещали поверхность воды своим золотистым светом.

– Древние кельты, которые дольше всего удержались в меланхолической Бретони, – сказал канцлер, – погребали своих богов в таких лесах, спасая их от нечестивых рук пришельцев. Кто знает, может быть и в этом озере покоится какое-нибудь сверженное божество.

– Слышите, как зашумело озеро! Волны поднимаются все выше и выше. Что это такое?

Лесная тишина была внезапно нарушена плеском воды, который становился все громче и явственнее. Лошади наострили уши. Канцлер набожно перекрестился, между тем как другой всадник не спускал глаз с озера, полузакрытого зеленью и окрашенного лучами заходящего солнца.

Плеск воды прекратился у берега, поросшего молодым кустарником; затем послышался треск ветвей и топот, как будто приближался полк конницы. Младший из всадников обнажил шпагу; радостное нетерпение выразилось на его лице; он догадался, что это было стадо оленей. Старые, тяжелые олени с темной густой шерстью и высокими рогами неслись по склону прямо на всадников.

Увидев блеснувшую шпагу, в которой отразился луч заходящего солнца, они остановились и смотрели на своего неожиданного врага. Тот громко вскрикнул и, махнув шпагой, бросился на них, но в тот же момент звери разлетелись во все стороны и исчезли в чаще. Кляча канцлера, напуганная шумом, неожиданно бросилась в сторону и, сбросив со всего размаха своего седока на землю, умчалась так быстро, как это позволял ее почтенный возраст. Между тем лай собак заметно приближался; в озере опять послышался плеск; из воды поднялся огромный раненый кабан, который с бешеным рычанием направился в ту сторону, где лежал канцлер. Другой всадник, поспешно соскочив со своего коня на землю, опустил на одно колено со шпагой в руке в надежде заколоть зверя в тот момент, когда он бросится на свою жертву. Но храбрый адмирал ошибся в расчете: шпага его оказалась слишком длинна и, скользнув по груди животного, отлетела в сторону. Наступила решительная минута. Разъяренный вепрь, истекая кровью от множества ран, нанесенных ему охотниками, остановился, как бы соображая, в кого из двух вонзить свои клыки: в того ли, который лежал перед ним, или смельчака, который отважился напасть на него. Он выбрал последнего, но тот прыгнул в сторону и, зная, что нападение повторится, поспешил поднять свою шпагу. Однако и на этот раз ему не повезло: он поскользнулся и упал навзничь; кабан тотчас кинулся на него и готовился нанести ему удар своими острыми клыками. Хотя все это произошло в несколько секунд, но этого короткого времени было достаточно, чтобы подоспели охотничьи собаки, преследовавшие зверя. Два огромных волкодава грязно-желтого цвета внезапно вцепились в его уши и повисли на них всей тяжестью. Кабан грозно зарычал и, подняв голову, замер на месте от боли и ярости. Подоспели новые собаки и вонзили свои зубы в его задние ноги. Адмирал воспользовался этой неожиданной помощью, чтобы выбраться из-под зверя и встать на ноги. Он был теперь в самом жалком виде: платье его было разорвано, лицо забрызгано грязью и кровью. Тем не менее мужество не оставило его; он с видимым удовольствием взглянул на пригвожденного зверя и уже поднял шпагу, чтобы приколоть его.

– Что вы делаете, Бонниве! – воскликнул канцлер, который, видя, что опасность миновала, также хотел встать, но тотчас же опустился на землю от сильной боли в ноге. – Разве вы не слышите и не видите, что хозяин охоты будет здесь через несколько минут! Мы оба нуждаемся в его помощи: я чувствую себя разбитым от падения, вас помял зверь, наши лошади неизвестно куда девались. А вы как будто нарочно хотите рассердить этого господина, заколов на его глазах зверя, добытого такой трудной охотой.

– Я именно этого и хочу, господин канцлер! Я испытал на себе все опасности кабаньей охоты, следовательно, мне и должна принадлежать честь положить на место такого отличного зверя. Вдобавок, не мешает немного сбить спесь с бретонского дворянина! Король только похочет над этим.

В это время подъехали охотники; рога протрубили радостный сигнал, возвещавший, что зверь пойман. Хозяин охоты соскочил с лошади, чтобы воспользоваться своим преимуществом и собственноручно заколоть добычу. Но к своему крайнему удивлению, он увидел, что какой-то незнакомец предупредил его и повалил на землю огромного вепря ловко направленным ударом.

– Кто позволил тебе распоряжаться здесь! – крикнул он, не помня себя от ярости. – Псарь! Долой с лошадей, выхватите у него шпагу и попотчуйте хлыстами!

В один момент адмирал был окружен толпой егерей. Он едва успел защитить свою спину, прислонившись к буковому стволу, и начал отмахиваться шпагой от напавшей на него со всех сторон челяди.

– Вы, вероятно, никогда не выезжали из своего захолустья, – крикнул он хозяину охоты, – что не можете разобраться, с кем имеете дело! Разве вы не видите, что я дворянин?

– Если бы вы были король, то и тогда вы не смее посягать на мое охотничье право без моего разрешения.

– Его величество проучит вас за этот дерзкий ответ.

– Король должен знать, а если не знает, то пусть научится, что бретонский дворянин полный властелин на своей земле! Эй, вы! Делайте то, что вам приказано. Отымите у него шпагу.

Подросла новая толпа егерей. Они бросились на дерзкого нарушителя охотничьих прав и без труда обезоружили его. Началась свалка, в которой собаки приняли деятельное участие, увеличивая шум своим лаем. В это время подъехала дама на белом коне и с беспокойством спросила, что означает вся эта сцена и кто этот незнакомец, окруженный егерями.

– Вероятно, одна из обезьян господина Валуа, – ответил бретонский дворянин, не спуская глаз с адмирала, окруженного со всех сторон егерями. Бледное, отжившее лицо бретонца, окаймленное черной бородой, озарилось чувством особенного удовольствия, которому еще более способствовало присутствие молодой дамы. Он не обратил никакого внимания на ее просьбу прекратить неприятную сцену, только черные суровые глаза его на минуту устремились на нее с выражением дикой страсти. Он с усилием раскрыл свои тонкие губы и сказал вполголоса: «Нужно проучить этих льстецов! Интересно было бы узнать его имя».

Канцлер как будто подслушал это желание. До этого он оставался безучастным зрителем, из боязни попасть в общую свалку, но, видя, что адмиралу не избежать позорного наказания, решил заступиться за своего товарища. Поднявшись с усилием на ноги, он подошел к толпе егерей и закричал изо всех сил: – Именем короля Франциска, остановитесь!

Толпа расступилась, не столько из послушания, сколько из любопытства; крики замолкли.

– Это адмирал Бонниве! – продолжал канцлер громким голосом. – Бретонский дворянин не должен обходиться таким недостойным образом с другом короля!

Заявление канцлера оказало свое действие. Хозяин охоты повернулся к нему с презрительной улыбкой:

– Ну, теперь сообщите нам, кто вы такой; порядочные люди не ведут себя таким образом. Хотя адмирал Бонниве происходит от молодой дворянской крови, но он должен был узнать от короля права и обычаи охоты и не решился бы поступить, как этот господин. Вдобавок нам известно, что адмирал Бонниве послан в Англию вместе с канцлером Бюде и потому не мог очутиться во Франции, в чужом лесу, значит все, что ты сказал, капутин, наглая ложь!

– Я канцлер Бюде и могу доказать это; вы совершенно напрасно назвали меня лгуном!

– Я в отчаянии, если это правда, – сказал бретонский дворянин с той же презрительной улыбкой, подъехав несколько шагов к канцлеру, как будто хотел пристальнее разглядеть своего собеседника.

– Да, действительно я узнаю вас! – сказал он после некоторого молчания. – Приветствую вас на земле бретонского дворянина графа Шатобриана, который, к сожалению, встретил своих гостей таким неприличным образом!

С этого времени граф совершенно изменил свое обращение с обоими путниками, послал отыскивать лошадей и даже был настолько внимателен, что велел принести носилки для канцлера, который повредил себе ногу при падении. Он несколько раз извинялся перед адмиралом за свою горячность. Но с лица его не исчезало выражение злорадства, которое ясно показывало, что в душе он был очень доволен, что красивому адмиралу досталось от кулаков его егерей. Это особенно ясно выразилось, когда он представил Бонниве своей супруге и повторил свои извинения в самых напыщенных выражениях. Адмирал сделал вид, что не замечает этого, и ловко раскланялся перед молодой графиней, которая хотя и не была ослепительной красоты, но показалась ему необыкновенно привлекательной в своем темном платье, рельефно выделявшемся на белом коне. Ее молодое, немного бледное лицо, слегка зарумяненное от движения на свежем воздухе, имело те гладкие округленные очертания, на которые жизненный опыт не наложил своего отпечатка. Но ее красивые карие глаза казались грустными, хотя в них не

было и тени мечтательности и отчуждения от действительной жизни. По временам они делались настолько выразительными, что, казалось, ничто не могло скрыться от них. Когда граф представил Бонниве своей супруге, то в этих глазах можно было ясно прочесть насмешливый вопрос: не потому ли ты представляешь мне этого красивого человека растерзанным и униженным, чтобы он опротивел мне с первого момента знакомства?

Между тем Бонниве под обаянием ее присутствия забыл свою неприязнь к графу и рассыпался в любезностях перед его женой, что было тогда, при короле Франциске I, в моде в высших слоях французского общества. Графиня вежливо выслушивала его, но с некоторой чопорностью, так как, живя пять лет среди суровых бретонских дворян, она не привыкла к такому обращению. Не встречала она ничего подобного и на своей родине, в Пиренеях, откуда выехала четырнадцатилетней девочкой, чтобы сделаться женою графа Шатобриана. Благодаря этому любезности красивого адмирала имели для нее всю прелесть новизны и произвели на нее самое приятное впечатление.

Общество, принимая во внимание больную ногу канцлера, двинулось в путь шагом. Через четверть часа они увидели перед собой, на равнине, перерезанной холмами, замок Шатобриан, стоящий на возвышении и окруженный со всех сторон лесом. Вечернее солнце сияло во всем блеске, резко обрисовывая контуры огромного здания, состоящего из старого и нового замков, верхние этажи которых были соединены узкой висячей галереей. Старый замок представлял собой огромную круглую башню с низкими уродливыми пристройками; он весь порос мхом и почернел от времени и непогоды. Зато новый замок, недавно построенный в полуантичном и полуроманском стиле, весело блестел на солнце своими гладкими светлыми камнями. Плоская крыша, аркады, галереи, изящные башни придавали ему самый привлекательный вид. Широкий луг, по которому ехал владелец замка со своими гостями, тянулся вверх до главного входа.

Река Шер, вытекавшая из леса с левой стороны, круто поворачивала у нового замка и, обогнув старую башню, вновь появлялась на северо-западе за убогими, порознь стоящими домами, где впоследствии возник город Шатобриан.

— Очень рад, что мне удалось наконец увидеть ваш новый замок, граф Шатобриан! — воскликнул Бонниве. — Я помню, с каким восторгом вы рассказывали о нем в Париже пять лет тому назад. Вы издевались тогда над старой Луврской башней, вокруг которой предполагалось воздвигнуть дворец! Но он не построен и до сих пор вследствие недостатка в деньгах, так что король по-прежнему живет в тесноте среди судейских господ и разных буржуа. Вы недаром сказали тогда с усмешкой: «Бретонский дворянин живет лучше молодого Валуа, так называемого властелина Франции!»

— Разве эта фраза так замечательна, господин адмирал, что вы не могли забыть ее в течение пяти лет! Молодой Валуа, как вам известно, не принадлежит к богатому и могущественному дому и устроил свои дела только благодаря приданому, которое взял за нашей герцогиней. Поэтому нет ничего удивительного в том, что он, сделавшись королем, живет хуже большинства бретонских дворян. Хотя вы стараетесь возвеличить короля в ущерб дворянству, но он не более как высший ленный сеньор и вы напрасно внушаете ему неуместные претензии!

— Вы уже несколько лет не выезжали из вашей отдаленной провинции и совсем отстали от времени, многоуважаемый граф. Вот у господина канцлера есть письмо от английского короля к Франциску I; надпись на этом письме ясно показывает, что королевская власть в Европе больше усилилась, чем вы воображаете это, сеньоры меча и шпор!

— Мы сеньоры над землей и людьми и надеваем на себя меч и шпоры в тех случаях, когда мы не обязаны оказывать гостеприимство слугам короля.

— Разве вы сами не считаете себя слугой короля?

— Нет, я служу Богу, моей чести и моей даме, а за королем государства я следую только тогда, когда он в качестве ленного предводителя потребует мой меч и мою конницу на защиту

государства... Скажите, пожалуйста, какая же эта новомодная надпись на письме английского короля к французскому?

– Он называет его *вашиим величеством*.

– Но ведь у нас священники употребляют слово *majesté*, говоря о величии и всемогуществе Бога?

– Слово это и здесь употреблено в том же значении.

– Господь да сохранит вас! Ваша гордость перешла всякую меру. Что сказал бы мой приятель граф Тремувиль, если бы я вздумал назвать его в письме *блаженный и праведный* граф Тремувиль.

– Он, вероятно, дал бы вам тот же титул.

– Не думаю! Во всяком случае, мы остались бы такими же грешными людьми, как и прежде. Равным образом у Валуа ни на волос не прибавилось величия от титула, который ему дает Тюдор по ту сторону пролива. Феодалные сеньоры еще не вымерли в отдаленных провинциях!

– Король желает удостовериться в этом собственными глазами; для этой цели он проедет вниз по Луаре и посетит Турень, Анжу и Бретонь... Пять лет тому назад вы приглашали его взглянуть на ваш замок, в случае если он вздумает когда-нибудь построить себе новый дворец. Насколько мне известно, он намерен сделать это в настоящее время; если вы позволите, то я повторю ему ваше приглашение.

При этих словах владелец замка и Бонниве взглянули на графиню, как бы ожидая ее ответа. Но она не решилась выразить свое мнение, встретив гневный взгляд своего супруга.

Они проехали молча несколько шагов.

– Архитектурный вкус значительно развился и усовершенствовался в последние пять лет, – возразил граф. – Замок Шатобриан не может иметь теперь прежних притязаний.

Путники подъехали к главному входу замка. Навстречу им выбежала хорошенькая четырехлетняя дочка и привлекла к себе внимание графа и графини. Это была их единственная дочь Констанция. Граф расточал ей всю нежность, на которую только было способно его суровое сердце; он посадил ее к себе на лошадь и катал по двору. Появление ребенка было очень кстати, чтобы привести графа в более приличное расположение духа и сделать его хоть сколько-нибудь способным оказать гостеприимство непрошеным гостям. Однако вечером, когда они сели за ужин, хозяин дома пользовался всяким удобным случаем, чтобы сказать что-нибудь неприятное другу короля, так что Бонниве решил уехать из замка на следующее утро, тем более что сдержанное обращение графини не обещало ему успеха. Избалованный рыцарь счастья питал такого рода надежды относительно каждой красивой женщины, с которой сводила его судьба. Он не был настолько проницателен, чтобы присмотреться ближе к личности графини Шатобриан, потому что тогда, быть может, он не сложил бы так скоро оружие. В начале вечера она сидела молча между мужчинами в своем изящном белом платье, отвечала односложными словами и своей внезапно находившей на нее и так же быстро исчезавшей веселостью напоминала эолову арфу, которая долго остается безмолвной и только тогда издает звук, когда более сильное дуновение ветра коснется ее.

Канцлер Бюде оказался лучшим наблюдателем, нежели его приятель. Ему тем легче было завести разговор с графиней, что ревнивый супруг не считал нужным мешать ее беседе с пожилым и невзрачным человеком. Он рассказал ей об умственной жизни в Париже и богословских спорах, которые велись между тогдашними учеными, о церковной революции в Германии, предпринятой одним саксонским монахом, об интересных разговорах за обедом у короля и призванных им итальянских художниках, о самом короле, его умной талантливой сестре и веселой матери. Графиня слушала эти рассказы с одинаковым вниманием и набожно перекрестилась, когда зашла речь о немецком еретике. Тем не менее, она выразила свое сочувствие оппозиции против учения об индульгенциях.

– Если бы я изменила своим близким, – сказала она наивно, как будто это был самый наглядный пример, который она могла себе представить, – то кто мог бы простить мне этот грех, кроме меня самой? Разве не бывают такие случаи, когда виновный должен отвечать только перед судом собственной совести?

Нежная краска на ее щеках выступила еще ярче при этих словах, придавая особенную прелесть смуглому лицу молодой графини, которая соединяла в себе роскошную полноту форм южной женщины с грацией и миловидностью молодой девушки. Избыток жизни сказывался в пытливых взглядах живых, чувственных глаз, которые представляли резкую противоположность с целомудренным выражением рта и робостью, с какою она раскрывала губы, чтобы задать тот или другой вопрос канцлеру. Этот контраст был особенно заметен, когда она стала расспрашивать о жизни и нравах придворных лиц, которые были тогда совершенно новым явлением во Франции. Всего более интересовали ее разные подробности о короле, коннетабле Бурбоне и некоторых других господах, которые славились тогда своей красотой и силой во всей Франции. Хотя граф Шатобриан с презрением отзывался о них и она привыкла верить ему на слово, но хотела узнать, что скажет об этом серьезный канцлер, так как ей казалось, что она может вполне полагаться на его суждения и отзывы.

Хозяин дома, по-видимому, не разделял мнения своей супруги. Его отрывистая беседа с Бюде не давала ему возможность следить за каждым словом канцлера, но чем дальше слушал он, тем мрачнее становилось его бледное лицо.

Наконец он не вытерпел и, вмешавшись в разговор, резко упрекнул канцлера в одностороннем описании придворной жизни.

– Мы, слава Богу, – сказал он, – еще не дошли в провинции до такой порчи, чтобы забыть чистоту нравов и христианское смирение, которых мы придерживались при покойном короле Людовике. С каждым годом приходится все больше убеждаться в справедливости данного ему прозвища *отца народа*.

– Разве бретонские дворяне, – воскликнул Бонниве, – до такой степени разделяют симпатии и взгляды черни, что им больше нравится король, носивший это прозвище, чем нынешний *рыцарский король*, как в Европе называют Франциска I?! Клянусь честью, что ничего не может быть выше и почетнее названия: король рыцарь! Неужели он ничем не заслужит благодарность и преданность французского дворянства! Об этом нужно особенно жалеть в настоящее время, когда даже простые буржуа деятельно хлопочут о расширении своих прав.

Но граф не обратил никакого внимания на слова Бонниве.

– Что собственно представляет из себя придворная жизнь? – продолжал он, обращаясь к канцлеру. – Она настолько неприлична в настоящее время, что всякий сеньор, который дорожит честью и нравственностью, должен держать жену и дочь подальше от двора. Не находите ли вы, что мать короля ведет святую жизнь? Разве мы не знаем веселой Луизы, которая получила титул герцогини Ангулемской помимо нашей воли и, к несчастью, за спиной короля управляет государством. А что такое ее фрейлины? Разве это не публичные женщины, торгующие своей красотой!

– Ну, теперь никто в Париже не узнал бы прежнего графа Шатобриана, которого мы видели пять лет тому назад! – заметил со смехом Бонниве. – Память о вас, граф, до сих пор сохранилась в отеле Турнель как об одном из самых веселых сеньоров!..

– Меня нисколько не интересует мнение, которое обо мне составилось в Париже! Но мне не нравится новый порядок вещей! Правительство заботится об одной внешности и хочет ввести утонченность в наши нравы, как будто в этом вся сущность жизни! К чему нам все эти постройки и украшения столицы, дорого стоящие нововведения относительно мебели и покровов платья! Хотят и нас принудить к этому, как будто мы куклы, а не дворяне! Художников вводят в круг самых знатных людей государства, позволяют им вмешиваться в разговор, и их напыщенные фразы больше нравятся, чем простая речь французского дворянина.

– Позвольте мне высказать свое мнение, граф, – сказала краснея хозяйка дома. – Я не согласна с вами. Мне кажется, что королевская власть обязана покровительством тому, что не составляет насущной потребности людей, но возвышает и облагораживает их ум, как, например, искусство; и поэтому королю...

– Однако вас можно поздравить, моя дорогая супруга! – возразил насмешливо граф, прерывая ее. – Вы замечательно скоро усвоили себе напыщенность речи. Этого трудно было ожидать после того строгого воспитания, которое вы получили в замке Фуа. Или вы уже заразились новыми идеями? Помыслы замужней женщины не должны переходить за стены дома, где ее муж и дети! Все, что вне этого, вредно для нее. Впрочем, я приму меры, чтобы излишняя бойкость не сделалась опасной для вас...

Приход слуги прервал речь графа, которая была тем неприятнее его жене, что он говорил при людях, которых она видела в первый раз в жизни.

Слуга доложил, что по дороге из Нанта едут всадники с зажженными факелами.

– Неужели это король! – воскликнул Бонниве, подбегая к окну.

Граф, видимо взволнованный, последовал его примеру.

– Да, это несомненно король! – продолжал Бонниве, обращаясь к графу. – Вы видите, вся прислуга в ливреях с королевскими гербами! Золотые лилии так и светятся.

– Madame! – сказал граф, быстро оборачиваясь к своей жене. – Вы больны и можете уйти в свою комнату.

– Вы ошибаетесь, граф, я совершенно здорова.

– Я никогда не ошибаюсь, когда советую вам что-нибудь. Вы должны повиноваться мне.

Он взял ее под руку и повел вдоль залы, уговаривая ее более кротким тоном, нежели можно было ожидать по началу его речи. Графиня плакала.

Глава 2

На следующий день всем в Блуа было известно, что слух о прибытии короля в замок Шатобриан оказался ложным. Многие из городских жителей видели, как король рано утром переезжал Луару и направился в свой любимый Солоньский лес, где он в юношеские годы гонялся за оленями и расставлял западни волкам. Солонь представляла собой необработанный клочок земли, густо поросший лесами, который тянулся вдоль левого берега Луары от Блуа к Роморантену в тогдашней Беррийской провинции. В Роморантене король Франциск провел часть своего детства со своей матерью Луизой Савойской, которая удалилась сюда, тяготясь строгими нравами, введенными при дворе Анной Бретонской, супругой Людовика XII. Светлые воспоминания, связанные с этой местностью, были, вероятно, одной из причин того предпочтения, какое всегда оказывал Франциск берегам Луары.

В те времена французские короли не имели еще постоянного местопребывания. Хотя Париж уже в продолжение нескольких веков считался столицей Франции, но, тем не менее, несколько раз возникал вопрос о перенесении столицы в Тур, находившийся в центре государства, и некоторые из королей даже устраивали свои резиденции поблизости Луары. Людовик XI выстроил себе замок Плесси-ле-Тур на расстоянии пушечного выстрела от Тура; у Людовика XII был свой замок в Блуа.

Город Блуа, сделавшийся на некоторое время как бы второй столицей Франции, построен амфитеатром на довольно крутом склоне правого берега Луары. Узкие лестницы вели слева к старинному замку Блуа, а с правой стороны к собору, окруженному прелестным садом с террасами, который по множеству роз и виду на реку всегда был любимым местом нежных свиданий, как в шестнадцатом, так и в девятнадцатом столетии.

Замок Блуа состоял тогда из одной готической башни, почерневшей от времени. Людовик XII сделал в ней пристройку со стороны, обращенной к городу; Франциск приделал к ней новый флигель и намеревался соединить обе пристройки великолепной башней с наружной винтовой лестницей, украшенной самой тонкой резьбой. Множество каменщиков, плотников и резчиков работало на дворе, где раздавался теперь неумолкаемый шум и стук. Тем не менее, этот своеобразный треугольный дворец был переполнен придворными. В старом флигеле жила Маргарита, сестра короля, против своей воли выданная замуж за незначительного герцога Алансонского. В новом флигеле помещался король и его мать Луиза, носившая титул герцогини Ангулемской. Роскошь только что начала проникать во Францию; обитатели замка были еще настолько не избалованы комфортом, что мало обращали внимания на оглушающий шум, который с утра до поздней ночи слышался во дворе и на крыше строившейся башни.

Герцогиня Луиза несколько раз выходила в коридор и смотрела на шумный двор, переполненный рабочим людом, и опять возвращалась в свою комнату. Но постройка не занимала ее; она нетерпеливо ждала кого-то. Беспокойство, отражавшееся на ее лице, представляло резкий контраст с мирным пейзажем, который открывался из большого окна ее комнаты. Зеленый луг, окруженный старыми орешниками, тянулся до маленькой церкви, стоявшей на склоне крутой горы и почти закрытой кленовыми и платановыми деревьями. Лес продолжался и за церковью до самой вершины горы, где из-за зеленых ветвей виднелось распятие с изображением Христа, печально глядевшего на маленькую церковь, луг и замок. Северный выступ башни бросал длинную тень на эту идиллическую картину, которая оживлялась веселым смехом и криками детей, игравших на лугу.

Но герцогиня не смотрела на окно; через каждые десять минут она звала слугу и спрашивала, не видно ли с новой башни всадника по дороге из Роморантена. Слуга постоянно давал отрицательные ответы, так что наконец наступил вечер и зашло солнце, а всадники все не появлялись.

Герцогиня Луиза была полная, видная женщина, все еще сохранившая притязания на красоту, хотя ей было далеко за сорок. Резкие черты лица, огненные глаза, быстрая походка и быстрые движения рук придавали что-то вызывающее и властолюбивое всей ее фигуре. Но когда герцогиня хотела кому-нибудь понравиться, то это впечатление сглаживалось ласковым выражением полных губ, за которыми виднелся ряд прелестных зубов. Она любила роскошь и еще при жизни буржуазно скромного короля Людовика и экономной королевы Анны носила шелк и бархат не только во время празднеств, но и в домашнем быту. Таким образом, савойская принцесса положила начало той роскоши и любви к внешнему блеску и удовольствиям, которые впоследствии привились французскому дворянству благодаря Екатерине и Марии Медичи. Но пока франко-германский элемент был преобладающим в королевстве и брал перевес над молодой Францией, которая начала образовываться при Франциске под итальянским влиянием, и лишь шаг за шагом возрождение коснулось не только отдельных отраслей искусства, но и всей жизни французского народа.

На Луизе было надето черное бархатное платье с открытым лифом и короткими рукавами, что было нарушением старофранцузских обычаев, но очень шло ей при ее полноте. Когда слуга поставил свечи на стол, то при их красноватом свете эта пожилая женщина была еще настолько эффектна, что могла производить впечатление своей повелительной красотой.

Слуга доложил, что наступившая темнота мешает ему видеть что-либо с высоты башни.

– Позови канцлера Дюпра, – сказала герцогиня слуге, садясь поспешно на высокий стул с прямой спинкой.

Вошел Дюпра, канцлер парламента, первое юридическое лицо в государстве.

– Он не едет! – воскликнула с нетерпением герцогиня.

– Он должен приехать! – возразил Дюпра, маленький бледный человек с рыжевато-русыми волосами и бородой и невозмутимо хладнокровным, самодовольным лицом, похожим на маску по своей неподвижности. – Он знает, что его приезд необходим для него самого и что его удаление от двора все более и более затягивает петлю на его шее.

– Он слишком знатен, чтобы бояться юридической петли.

– Я уже не первый год веду дела в парламенте, и мне наконец удалось внушить знатным господам, что буква закона скована из жезла и что против нее бессильно их высокомерие, как бы оно ни было велико.

– Кто поручится, что Шабо де Брион объяснил ему как следует сущность процесса? Вы знаете насколько легкомыслен Брион!

– Он должен был понять из моих слов, что наследство потеряно для коннетабля; если он не женится на вас, и что это единственный способ прекратить процесс. То же самое я говорил бретонскому дворянину Матиньону, близкому другу коннетабля, которому, вероятно, удалось убедить его. Бурбон несомненно приедет сюда.

– Разве вы не знаете, что у коннетабля голова так же неподатлива, как буквое дерево? Что же касается прав на наследство, которое мы хотим отнять у него, то они весьма сомнительны.

– Чем они сомнительнее, тем легче нам будет опутать его и тем скорее он будет в наших руках. Если вы, герцогиня, не уверены в том, что вам удастся...

– Вы говорите какими-то загадками, Антуан Дюпра.

– Я хотел сказать, что если вам не удастся убедить его с помощью вашей красоты, любезности и некоторых угроз, то вооружитесь терпением недели на три или на четыре и я устрою это дело. Коннетабль убедится, что для него нет иного способа выиграть дело и получить обратно поместье.

– Вы не знаете жизни и плохо понимаете людей, Дюпра. Коннетабля трудно принудить к чему бы то ни было! Наконец, и я сама не желаю выходить замуж за человека, который женится на мне против своей воли.

В комнату вошел запыленный всадник. Это был Шабо де Брион, любимец короля, посланный герцогиней в Бурбонне к коннетаблю Карлу Бурбону, чтобы убедить его приехать в Блуа. Брион объявил с улыбкой, что коннетабль уже прибыл в замок и через четверть часа явится к герцогине.

Луиза приказала удалиться обоим кавалерам, но оставила у себя сверток пергамента, переданный ей Дюпра, в котором было изложено, на каком основании она и король заявляют притязания на значительную часть поместий коннетабля. Карл Бурбон, происходя из рода Бурбонов-Монпансье, не мог считаться законным владельцем бурбонского и оверньского герцогств, занимавших большую часть южной гористой Франции. По салическому закону, Сусанна, дочь Петра, последнего герцога Бурбона, не имела никаких прав наследовать своему отцу. Таким образом, по смерти герцога Петра, все его родовые владения перешли к его родственнику Карлу Бурбону. Никто не решался оспаривать права коннетабля на наследство, так как он вслед за тем женился на Сусанне. Но коннетабль овдовел. Противники его тотчас же воспользовались этим, чтобы заявить свои притязания на владения покойного герцога. К числу их принадлежала и герцогиня Ангулемская, которая двадцать лет тому назад была связана с коннетаблем самой тесной дружбой. Эта дружба прекратилась вследствие веселой жизни Луизы и женитьбы Карла Бурбона, который был человек строгих правил и рано отказался от легкомысленных удовольствий молодости.

Герцогиня Ангулемская знала, насколько были шатки ее притязания на владения Бурбонов. Хотя она приходилась двоюродной сестрой покойной Сусанне и была в более близком родстве с вымершей линией Бурбонов, нежели коннетабль, но салический закон прямо лишал ее всяких прав на наследство. Тем не менее канцлер Дюпра уверил ее, что, дав иной оборот делу, можно выиграть процесс; он подробно изложил план действий и привел необходимые юридические доказательства в поданном ей пергаментном списке. Герцогиня не желала доводить дело до процесса и, рассчитывая на прежнюю привязанность коннетабля, надеялась склонить его к женитьбе, отчасти указав на все ее выгоды и частью путем запугивания. Последнее было тем легче, что тогда распространилась молва, будто коннетабль недоволен французским правительством и вошел в сношения с императором Карлом V, врагом Франции. Намек, что королю известен этот слух, что могут быть приведены осязательные доказательства этого, должен был предостеречь коннетабля, что ему грозит опасность быть обвиненным в государственной измене.

Между тем наружность скромно одетого господина, которого слуга ввел в комнату под громким титулом коннетабля, герцога Бурбона, вовсе не показывала, что его можно запугать чем бы то ни было и что он легко поддается соблазнам любви. Это был широкоплечий человек, среднего роста и полноты. Его загорелое лицо с крупными, резкими чертами, полузакрытое бородой, имело мрачное и суровое выражение. Когда слуга отворил дверь, коннетабль медленно снял поярковую шляпу с широкими полями, которую он неохотно и только в редких случаях заменял модным беретом, также медленно вышел на середину комнаты, побрякивая шпорами, и вежливо поклонился герцогине. Слуга, по данному ему заранее наставлению, поспешно удалился и затворил за собой дверь.

Карл Бурбон не отличался особенным умом, но умел молчать в затруднительных случаях. Герцогиня должна была потратить немало уловок и слов, прежде чем ей удалось вызвать его на разговор. Но это не была дружеская и доверчивая беседа человека с некогда любимой женщиной, все еще красивой по формам своего тела, которая, оставшись наедине с ним, могла ожидать от него проблеска хотя бы мимолетной чувственной любви. В его словах и тоне голоса слышался только гнев, который наконец разразился, как долго сдерживаемая гроза.

— Вам никогда не удастся, герцогиня, довести парламент до такого крючкотворства и вопиющей несправедливости! — воскликнул коннетабль.

— Боже меня избави от подобных попыток! — возразила герцогиня.

– Так на что же вы рассчитываете! Разве вы можете изгладить из памяти парламента и французской нации салический закон, который всегда соблюдался в роде Бурбонов со времен франков? Ведь это не грифельная доска, с которой можно стереть губкой какие угодно слова.

– Нам это совершенно не нужно. Мы, напротив того, хлопочем, чтобы салический закон был приведен в действие.

– Каким это образом?

– Мой сын, король, вступая на престол, обязался исполнять его. Герцог Петр, отец Сусанны, был женат на французской принцессе Анне из королевского дома; у них была единственная дочь Сусанна, а в брачный контракт было включено условие...

– Какое условие?

– Что бурбонские владения должны быть возвращены королевскому дому, если от этого брака не будет наследников мужского пола. Разве это будет нарушением салического закона, если завтра же генерал-адвокат именем короля заявит перед парламентом о его притязаниях на земли покойного герцога?

При этих словах коннетабль быстро вскочил со своего стула и, не помня себя от ярости, готовился излить свой гнев, не стесняясь присутствием герцогини. Но она не дала ему выговорить ни одного слова и, взяв нежно за руку своего бывшего поклонника, просила его опять сесть и спокойно выслушать ее, потому что Франциск I настолько же намерен щадить Бурбонов, как и Людовик XII, если только глава этого дома не поставит себя во враждебные отношения к королевскому семейству.

Красивая полная рука герцогини, по-видимому, все еще имела некоторую притягательную силу для коннетабля, потому что он наклонился и поцеловал ее. В сущности, вся его дальнейшая жизнь зависела от этого свидания. Гнев его быстро прошел, и он довольно спокойно высказал свое неудовольствие, что король пренебрегает им и доверяет важные государственные дела молодым, неопытным выскочкам вроде Бонниве и Бриона. Между тем он, первый сановник в государстве, остается праздным и в целом королевстве не найдется ни одного самого ничтожного служителя, которому менее аккуратно платили жалованье и поступали так несправедливо как с ним, коннетаблем Франции.

– Тем не менее вы обязаны этим званием моему сыну! Не унижайте себя, Карл, подобными жалобами. Платят только слугам, а с другом дома не ведут счетов!

– Друг дома! Разве у друзей отнимают имущество?

– Король отнимает имущество у своего друга с тем, чтобы опять отдать его этому же другу. Разве Брион не сообщал вам, что мы намерены соединить неразрывно наши герцогства, как теперь соединены наши руки? Изъявите свое согласие, Карл. Позвольте мне отдать вам мою руку и ваши владения.

– Madame!

При этих словах носовой платок соскользнул с колен герцогини и упал у ее ног. Коннетабль не принадлежал к числу дамских кавалеров и не придерживался нравов renaissance относительно соблюдения салонных приличий, но благодаря традициям средневекового рыцарства, в которых был воспитан, он счел нужным наклониться и поднять платок. Для этого он вынужден был встать на одно колено, так как у него не хватило вежливости снять свои высокие ботфорты для визита к герцогине. Ловкая женщина воспользовалась этим моментом, чтобы положить обе руки ему на плечи и удержать его в нежной позе, которая вовсе не соответствовала его характеру.

– Вы ведь знаете, Карл, – сказала она, наклоняясь к нему так близко, что он чувствовал прикосновение ее волос к своему лицу, – что король, как добрый сын, советуется со мной в вопросах, касающихся правления; вы сделаетесь его правой рукой. Мы составим трио и будем править вместе государством, покровительствуя друзьям и преследуя врагов.

– Но ваши друзья – мои враги.

– Все это изменится, мой друг! Людей вроде Бонниве можно заставить смотреть на вещи нашими глазами.

– Я никогда не буду в состоянии ладить с этими прилизанными выскочками! – воскликнул коннетабль.

Имя Бонниве, которого он ненавидел всеми силами своей души, сразу разорвало тонкую сеть, которая начала опутывать его, и заставило забыть все практические соображения.

Герцогиня не менее своего сына покровительствовала вечно любезному адмиралу, который недаром считался самым красивым человеком при французском дворе, и поэтому приняла грубое замечание коннетабля за личное оскорбление. Она также быстро поднялась со своего кресла и в порыве негодования наговорила ему колкостей. Ссора усиливалась с каждой минутой. Она упрекала его в том, что, являясь ко двору, он хочет превзойти короля пышностью и богатыми одеждами своей свиты и, следовательно, вполне заслуживает гнев короля, который не замедлит подвергнуть его справедливому наказанию. Коннетабль возражал, что никто не имеет права говорить с ним таким образом, что король его ленный господин, а не государь, и что справедливое наказание, о котором она осмелилась намекнуть ему, не что иное, как самоуправство и низкая месть оскорбленного тщеславия.

Эти слова окончательно вывели из себя герцогиню; побагровев от гнева, она приказала коннетаблю удалиться.

– Пусть мои слова послужат вашему исправлению! – сказал коннетабль, выходя из комнаты.

В коридоре он встретил рыцарей своей свиты и приказал им немедленно распорядиться, чтобы лошади были опять отведены к крыльцу. Молва о его сношениях с Карлом V заставляла его избегать встречи с королем, который мог ежеминутно вернуться с охоты. Коннетабль знал, насколько верен этот слух и что здесь, при королевском дворе, он будет в безвыходном положении, если Франциск разгневается на него; а это было неизбежно, потому что герцогиня при их теперешних отношениях не замедлит восстановить против него сына.

Коннетаблю не удалось уехать. Едва вложил он ноги в стремя, как послышались охотничьи рога; при красноватом свете факелов на двор въехал король Франциск на своем высоком коне.

– Неужели это вы, кузен! – воскликнул король. – Не ожидал видеть вас в Блуа! И вы хотите опять уехать? Нет, этого не будет! Вы мой гость!

С этими словами Франциск соскочил с лошади и подал руку коннетаблю, который церемонно раскланялся с ним.

– Я намерен тотчас же наказать вас за то, что вы так редко посещаете нас и на такое короткое время! Знаете ли вы, в чем будет состоять наказание, мой дорогой кузен и вассал? Вы должны принять участие в развлечениях, придуманных моей ученой сестрой. Вам, как военному человеку, они покажутся невыносимыми. Теперь как раз время, когда у Маргариты собрался весь ее цех. Вечер необыкновенно теплый; я убежден, что мы найдем их на открытом воздухе. Пойдемте к ним. Дайте мне руку.

Коннетабль был настолько озадачен, что не выказал ни малейшего сопротивления, хотя в душе проклинал беззаботную веселость короля, представлявшую смесь иронии и добродушия, которая действовала на него помимо воли. Король был в наилучшем расположении духа. Он находился тогда в цвете лет, силы и могущества; это был высокий красивый юноша, полный жизни и деятельности, чуткий ко всему высокому и прекрасному. Превосходный, дошедший до нас его портрет работы Тициана, к сожалению, относится к позднему периоду жизни Франциска. Следы забот, тяжелых разочарований уже наложили свой отпечаток на его лицо, в котором явилось насмешливое и властолюбивое выражение; красивый нос заострился и увеличился, чувственность, едва просвечивавшая в его глазах и очертаниях рта в юношеские годы, резко обозначилась и приняла оттенок цинизма.

Король повел коннетабля к воротам и, повернув за угол замка, указал рукой на большой луг под окнами герцогини Луизы, который теперь совершенно преобразился. Все пространство от старых орешников и кленов до маленькой церкви было фантастически освещено красноватым светом горящей смолы, налитой в глиняных чашах; на земле были разостланы ковры; в отдалении виднелась красная шелковая палатка, в которой был приготовлен десерт для желающих. У палатки стояли и сидели, полулежа на подушках дамы и мужчины, напоминая собой непривычному глазу одно из тех сборищ, которые описаны в восточных сказках. В сущности, общество на лугу задалось такой же целью, как Шахерезада в «Тысяче и одной ночи», и здесь рассказ следовал за рассказом. Маргарита, сестра короля, высокая и видная женщина, сидела посредине; она была душой этих собраний и исполняла роль хозяйки. Серьезное и милое лицо ее внушало невольное уважение, но несмотря на строгий склад ума она умела слушать, улыбаясь, самые легкие и веселые рассказы и анекдоты; и потому каждый чувствовал себя свободно в ее присутствии. Она была на несколько лет старше своего брата, короля, но, вследствие неудачного брака и склонности к размышлению, еще в ранней молодости окружила себя учеными и художниками и стала жить их интересами. Многие шутя упрекали ее, что она перешла на сторону реформации, начавшейся тогда в Германии и Швейцарии, хотя им казалось непонятным, как одна и та же женщина, которая тонко понимает искусство и умеет описывать прелести чувственной жизни, могла увлекаться религиозным движением, грозившим разрушить все то, чем наслаждается человечество. Но благодаря талантливой природе Маргариты эти кажущиеся противоречия мирно уживались в ее душе; и в этом она была намного выше своего брата.

Маргарита приветливо поклонилась новым гостям и пригласила их сесть около себя на ковре.

– Наш друг Дюшатель, – сказала она, указывая на пожилого господина, – должен угостить нас сегодня рассказом. Теперь его очередь.

– Это очень кстати, – заметил король, – потому что наш кузен Бурбон только и может слушать серьезные вещи. Ну а потом Маро, вероятно, не удержится и расскажет нам какой-нибудь веселый анекдот.

Последние слова были обращены к маленькому человеку с плутоватым выражением глаз, который вместо ответа необыкновенно низко поклонился королю.

Коннетабль чувствовал себя совершенно не на своем месте в этом кругу; в данную минуту его менее всего могла занимать игра слов и умственное состязание в виде рассказов и анекдотов, потому что он был в самом печальном расположении духа. Он знал короля Франциска еще в ранней молодости и пришел к убеждению, что в высшей степени трудно составить себе сколько-нибудь верное понятие о его характере. Никто из окружающих не мог сказать, что король находится в таком-то настроении или что он намерен сделать то или другое. Несмотря на его рыцарскую прямоту и на то, что его нельзя было упрекнуть в коварстве или притворстве, Франциск был актер в душе и постоянно воображал себя в какой-нибудь роли. Простое, непосредственное отношение к людям было не под силу его артистической натуре; он всегда сам старался усложнять свои отношения с друзьями и врагами и, создавая таким образом искусственное существование, неожиданно ставил и себя и других в затруднительное положение. Благодаря этому же безотчетному фантазерству он хотел восстановить в своем лице средневековое рыцарство и, воображая, что вполне достигает этой цели, не замечал противоречия, существовавшего между его положением и тем идеалом, к которому он стремился.

Беспокойство коннетабля еще больше увеличилось, когда неожиданно явился его смертельный враг адмирал Бонниве и, отозвав в сторону короля, о чем-то заговорил с ним.

Коннетабль знал, что адмирал из Бретони, и очень удивился его появлению, не подозревая, что король послал за ним нарочного в замок Шатобриан с приказом немедленно явиться в Блуа. Совесть коннетабля была не совсем спокойна, потому что некоторые из бретонских дворян принимали деятельное участие в игре, затеянной им против короля; у него явилось

опасение, что королю все известно и что его удерживают здесь из вежливости, пока измена не выяснится окончательно и тогда будут приняты крутые меры против неверного вассала. Одну минуту он даже стал оглядываться, чтобы убедиться: может ли он уйти незаметно от тяготившего его общества. Но гордость и упрямство помешали бы ему исполнить эту мысль, даже в том случае, если бы на лугу неожиданно водворился полумрак. Он был так занят своими мыслями, что герцогиня Маргарита уже во второй раз обращалась к нему с вопросом. Он поспешил исправить свой промах, но ответил некстати, потому что снова отвлекся приходом короля и Бонниве, которые присоединились к остальному обществу.

– Не знаком ли кто-нибудь из вас с графиней Шатобриан? – спросил король, обращаясь к гостям – Бонниве расхваливает ее как идеал красоты и любезности! Может быть, это преувеличено?

– Разумеется, нет! – ответил поспешно Маро.

– Разве ты видел ее? Ты ведь все и всех знаешь! А я первый раз слышу об этом прекрасном цветке моего королевства. Если не ошибаюсь, граф Шатобриан также принадлежит к числу маленьких французских королей, недовольных существующим порядком.

Все молчали.

– Я не видел графа со времен моего коронования, – продолжал Франциск. – Вы должны знать его, кузен Бурбон...

– Нет, я не знаком с ним! – резко ответил коннетабль.

– Неужели? – спросил Франциск, пристально взглянув на коннетабля, и добавил равнодушным голосом: – Однако начинайте, мой милый Дюшатель, мы слушаем вас.

Дюшатель начал свое повествование:

– Я расскажу вам сегодня о странном способе, придуманном одним дворянином, чтобы объясниться в любви королеве, и о том, как кончилась эта любовь.

«При кастильском дворе был один дворянин неопишуемой красоты и обладавший такими редкими душевными качествами, что в целой Испании никто не мог сравниться с ним. Все признавали его преимущества, но еще больше удивлялись его странному обращению с женщинами. Не было ни одной дамы, которую он любил или которой отдавал предпочтение перед другими, хотя между ними были такие красавицы, что кажется лед растаял бы от них. Этого дворянина звали Элизором. Королева была очень добродетельна, но в ней был тот скрытый огонь, который горит тем сильнее, чем он незаметнее. Она постоянно удивлялась Элизору и даже раз спросила его, действительно ли он так неспособен к любви, как все думают?

– Если бы вы могли видеть мое сердце, – ответил Элизор, – то не стали бы расспрашивать меня.

Королева пожелала узнать, что он хочет этим сказать, и так настойчиво допрашивала его, что он, наконец сознался, что любит одну даму, добродетельнее которой нет во всем христианском мире. Но ни просьбы, ни приказание не могли его заставить сказать имя этой дамы. Королева сделал вид, что сердится, и поклялась не говорить с ним, пока он не откроет своей тайны. Элизору ничего не оставалось, как уступить ее желанию, и он ответил с некоторым беспокойством: «В первый же раз, когда вы будете на охоте, я вам покажу ту, которую люблю, и вы наверно найдете ее самой красивой женщиной на свете».

После этого ответа королева как можно скорее собралась на охоту; Элизор по обыкновению сопровождал ее. Он приказал сделать себе большое стальное зеркало в виде кирасы, пристегнул его к своей груди пряжками и старательно укутался черным плащом, обшитым серебряной и золотой материей. Он ехал на мавританском коне с золотой сбруей и обращал на себя всеобщее внимание, потому что был необыкновенно ловким наездником. Проводив королеву до места, назначенного для охоты, он соскочил на землю, чтобы снять ее с седла и, когда она протянула ему обе руки, он воспользовался этим моментом, раскрыл плащ и сказал, указывая

на зеркало: «Не угодно ли вам взглянуть сюда!» Затем, не дожидаясь ответа, он осторожно поставил королеву на землю.

По окончании охоты королева вернулась в замок, не удостоив ни одним словом Элизора. Но после ужина она велела позвать его к себе и назвала величайшим обманщиком в мире, потому что, несмотря на обещание, он все-таки не открыл ей своей тайны, и сказала, что больше ни в чем не станет верить ему.

Элизор из боязни, что королева не поняла сделанного им намека, ответил, что он считает себя правым, так как на охоте показал ей женщину, которую любит больше всего на свете.

Королева приняла такой вид, как будто ничего не понимает, вследствие чего Элизор был вынужден спросить ее, кого она видела в стальном зеркале.

– Никого, кроме себя, – ответила королева.

– Никакое другое изображение не займет места в моем сердце, кроме того, которое вы видели в зеркале на моей груди, – сказал Элизор. – Эту женщину я всегда буду любить, почитать и поклоняться ей как божеству; в ее руках моя жизнь и смерть. От вас зависит осудить меня на смерть за эту привязанность, которая была для меня жизнью, пока я скрывал ее.

Притворилась ли королева, желая испытать его, или у нее была другая привязанность, только она ответила с самым равнодушным лицом:

– Я не стану распространяться о том, насколько безумна любовь, которая метит в такую высокую цель и сопряжена с такими затруднениями, но я желала бы знать, как давно длится ваша привязанность.

Элизор не мог возлагать больших надежд на взаимность со стороны королевы, судя по ее серьезному тону, исполненному достоинства, и робко ответил, что еще в ранней молодости эта любовь пустила в нем корни, не причиняя никаких страданий. В продолжение последних семи лет она также не была мучением, а только недугом, доставлявшим ему неисчерпаемое наслаждение, так что выздоровление было бы для него равносильно смерти.

– Если это так, – сказала королева, – и вы действительно отличаетесь таким постоянством, то я не могу отнестись легкомысленно к вашему признанию. Я хочу подвергнуть вас испытанию; если вы выдержите его, то у меня не останется никаких сомнений относительно справедливости ваших слов. Если я найду вас таким, как вы говорите, то я сделаюсь такой, какой вы желаете меня видеть.

Элизор умолял назначить ему испытание, потому что для его любви ничто не может показаться тяжелым.

– Будь, по-вашему, – сказала королева, – завтра же вы уедете отсюда на семь лет и отправитесь в такое место, которое не имело бы никакого сообщения с моим местопребыванием. В это время мы не будем иметь никаких известий друг о друге; вы испытывали себя семь лет и потому знаете, что меня любите; я должна подвергнуть себя такому же семилетнему испытанию, чтобы убедиться в том, в чем я не уверена.

– Я готов покориться вашему требованию, – ответил Элизор, – но что будет служить мне ручательством, что через семь лет вы признаете своего верного слугу?

– Возьмите это кольцо, – сказала королева, – и переломите его: одну половинку возьмите себе, а другую я оставлю у себя. Если за семь лет время изгладит ваше лицо из моей памяти, то я узнаю вас по половинке этого кольца.

Элизор сломал кольцо, простился с королевой и полуживой приготовился к отъезду. Он отпустил своих слуг и, взяв только одного из них с собой, исчез бесследно.

Семь лет! Кто любит, тот может себе вообразить, какими продолжительными они должны были показаться Элизору!

Прошли семь лет и одна минута. Королева отправилась в церковь. В начале обедни к ней подошел отшельник с длинной бородой и, поцеловав ей руку, подал письмо. Королева, думая, что это одна из многочисленных просьб, которые она получала ежедневно, не обратила

на письмо особенного внимания и открыла его уже среди обедни. В письме была половина кольца Элизора. Королева очень обрадовалась и тотчас же послала одного из своих придворных отыскать отшельника и привести его к ней. Придворный всюду искал отшельника, но нигде не нашел его и наконец узнал, что тот уехал; но куда – никто не мог сказать ему этого. Таким образом, прошло довольно много времени, пока придворный вернулся с известием о неудаче своих поисков. Королева принялась на досуге за чтение письма, которое было следующего содержания:

Благодатная сила времени излечивает все, даже страсть, потому что заставляет нас делать надлежащую оценку вещам и отличать прочное от мимолетного. Я не раз спрашивал свое сердце: что побуждает меня любить вас? И должен был сознаться, что меня прельщала ваша красота, соединенная с жестокостью. Но я благословляю эту жестокость, потому что она возвратила мне свободу. Благодаря ей я перестал видеть красоту, и ее могущество пропало для меня. Семь лет не проходят бесследно для красоты! Мне же они были полезны, потому что внесли мир в мою душу и объяснили мне, что женщина, которая высоко ценит себя и требует таких долгих и тяжелых испытаний – не любит и никогда не любила меня. После семилетнего испытания мне ничего не остается сказать вам, кроме того, что мы никогда больше не увидимся! Многое и многое произошло в нашей жизни за этот долгий срок. Будем ли мы избегать друг друга или опять увидимся, но мы навеки расстались с вами!..

Королева, читая это письмо, пролила целый поток слез и, к своему удивлению, почувствовала величайшее сожаление. Несмотря на свою королевскую корону, она считала себя самой несчастной женщиной в своем государстве, потому что лишилась лучшего, что у нее было в жизни, благодаря собственной глупости. Она надела на себя глубокий траур; не было ни одной долины, пещеры или кустарника в стране, где бы она не искала отшельника, – все было напрасно.

Королева поставила слишком высокую ставку и проиграла игру».

– Вероятно, эта история случилась очень давно! – заметил король.

– Разумеется, – возразил Маро, – потому что любовь продолжалась семь лет!

Король от души расхохотался.

– Клеман! – сказал он. – Ты положительно день ото дня становишься хуже, или ты хочешь доказать, что злые языки не напрасно обвиняют тебя в еретических мыслях!

– Я не думаю, – возразила Маргарита, – чтобы такой поэт, как Клеман Маро, мог сомневаться в существовании продолжительной привязанности.

– Но подумай, Маргарита, можно ли хранить верность целых семь лет, в пору полного расцвета сил и желаний и вдобавок при сознании, что когда кончится срок испытания, то жизненные силы будут на убыли! Нет, это даже не по-рыцарски, а просто глупо! Как вы думаете, почтенный Ласкарис что сказали бы о такой любви в Греции или Риме?

– То же, что и ты сказал, король! – ответил седовласый старик, который, спасаясь от наступающих турок, в числе других своих соотечественников ввел основательное изучение классицизма в западную Европу и по приезде во Францию сблизился с Бюде; последний даже брал у него уроки. Король относился с большим уважением к греческому мудрецу, но стал особенно ухаживать за ним после смерти своего любимца, знаменитого Леонардо да Винчи, который несколько лет тому назад внезапно заболел в Амбуазе, недалеко от Блуа, и скончался на руках короля.

Франциск заговорил с Ласкарисом, которого часто видел с Бюде, и невольно вспомнил о последнем.

– Как здоровье Бюде? – спросил король, обращаясь к адмиралу. – Надеюсь, ты посоветовал ему остаться в замке Шатобриан до полного выздоровления его ноги.

– Нет, я ничего не говорил ему, – ответил Бонниве.

– Ты всегда был и будешь самым легкомысленным человеком в свете!

– Но его, вероятно, удержит любознательный и редкий ум графини. Насколько я мог заметить, он совершенно очарован ею.

– Разве она действительно так умна?

– Она разговаривала с ним о самых мудрых вещах и засыпала его вопросами, так что я вполне понимаю, почему струсил простоватый бретонский граф.

– Любопытно будет взглянуть на нее. Завтра или послезавтра, если выберется время, мы отправимся туда... Но вот и герцогиня Ангулемская!

Король, сестра его, а за ними и все остальное общество поднялись со своих мест и поклонились герцогине, которая приближалась к ним в сопровождении нескольких пажей.

Король сделал несколько шагов навстречу своей матери и обнял ее. Коннетабль с ужасом заметил, что герцогиня, бросая на него молниеносные взгляды, рассказывала что-то своему сыну. Он ясно видел, что для него наступила решительная минута, которой он так опасался.

Коннетабль не ошибся. Король, вернувшись на свое место, тотчас же обратился к нему с вопросом:

– Я желал бы знать, господин коннетабль, какого вы мнения о семилетней верности.

Коннетабль не отличался быстротой соображения и потому не мог дать ответа, не обдумав его.

– Я нахожусь в том же положении, что и тот отшельник, – заметил король, – и за семь лет свожу счеты с моими вассалами, чтобы убедиться, которые из них остались верны мне.

– Кузен король, – ответил медленно, но четко Бурбон, – мне кажется, что при хороших отношениях, где с обеих сторон соблюдается справедливость, можно остаться верным не только семь, но и семьдесят лет, а там, где слабейший не уверен и в семи часах и где все зависит от расположения духа сильнейшего, там даже нельзя поднимать вопрос о верности.

– Bravo, кузен! – сказала Маргарита. – Вы как здравомыслящий воин прямее смотрите на этот вопрос, чем наши трубадуры. Прошу всех вас сесть опять по своим местам. Господин Клеман Маро только и дожидается этого, чтобы начать свой рассказ.

– Да, Клеман, ты расскажешь нам какую-нибудь из своих непотребных историй, – сказал, улыбаясь, король. – Только избавь нас от всяких предисловий и отступлений. Все твои истории безнравственны; постарайся, по крайней мере, рассмешить нас.

«В гасконском графстве Але, – начал Маро серьезным тоном, – некто по имени Борне женился на одной скромной женщине и очень дорожил ее честью и добрым именем, как это вообще свойственно мужьям. Но он сам хотел при этом пользоваться удовольствиями на стороне. «На то я мужчина, – говорил он, – мне это вполне прилично!» Между прочим он стал ухаживать за горничной своей жены; но та была порядочная девушка, а он не годился в герои. У него, например, была дурная привычка рассказывать все, что с ним случилось, своему соседу, портному. Такая откровенность никогда не приносит пользы, а к тому же его друг портной был моложе его и вынудил у него обещание уступить ему красивую девушку, когда он вполне насытится ее ласками. «Я с удовольствием сделаю это!» – сказал Борне, и они пожали друг другу руки в знак согласия. Но у горничной было другое на уме: она пошла к своей хозяйке и рассказала, как мучит ее хозяин дома своим непозволительным ухаживанием. Госпожа Борне была очень огорчена этим и захотела проучить своего мужа. Она сказала горничной: «Ты честная девушка и я избавлю тебя от его преследований, но если ты сразу оттолкнешь его, то из этого ничего не выйдет. Ты должна сделать вид, как будто день ото дня становишься к нему благосклоннее, и, наконец, позволь ему прийти ночью в твою комнату. Только скажи мне в точности, какой день ты назначишь, а когда он явится к тебе, то попроси его не говорить с тобой ни одного слова, потому что я могу услышать ваш разговор». Горничная так и сделала. Борне и его друг портной были в восторге и решили заранее отпраздновать свою победу. Пока они пировали, госпожа Борне отпустила горничную к ее родным, а сама расположилась в ее комнате и стала ждать своего легкомысленного мужа. Он пришел в назначенный час, все время

молчал и ушел от нее в полночь, вполне довольный. Он знал, что его приятель портной ждет его с нетерпением, и потому поторопился впустить его в комнату горничной. Госпожа Борне была уверена, что ее муж вернулся назад и поэтому не сопротивлялась, когда при прощанье он снял с ее пальца обручальное кольцо, которым очень дорожат жены в Гаскони, так как с ним связан весьма важный предрассудок. Она подумала: ну завтра я уличу злодея благодаря этому кольцу!

Когда портной вернулся к Борне и показал ему кольцо, то у этого в голове мелькнул проблеск истины, потому что он узнал бы это кольцо из тысячи. Он ударился головой об стену и воскликнул: «Ах! Какой же я осел!»

– За что ты бранишь себя? – спросил портной.

– То, чем дорожит весь свет как величайшим сокровищем, я сам... в целом мире не найдется такого дурака, как я!..

– Да почему же, Борне?

– Почему да почему! Давай сюда кольцо и убирайся к черту!..»

– Остановись, Клеман! Довольно! – сказал король при громком хохоте мужчин. – Ты развращаешь юношество...

– Курьер из Италии! – доложил вошедший секретарь, передавая королю пакет. – Он привез эти депеши с приказом немедленно передать их вашему величеству.

Король поспешно открыл пакет и, прочитав несколько строк, топнул ногой и воскликнул с горестью и гневом:

– О, Лотрек! Лотрек!

– Так некогда воскликнул Август: «Вар! Вар! Возврати мне мои легионы!» – шепнул Маро Дюшателю.

Король услышал эти слова и, овладев собою, бросил полурассеянный, полугневный взгляд на нескромного поэта, который сильно смутился этим.

– Что такое случилось, сын мой? – спросила герцогиня Ангулемская.

– Вы спрашиваете, что случилось! Италия потеряна для нас, потому что Лотреку не были посланы подкрепления. Задача моей жизни разрушилась! Горе тому, у кого совесть не чиста и кто подвел Лотрека! Над ним будет наряжен строжайший суд; я никому не дам пощады, хотя бы наказание постигло мою родную мать.

Герцогиня заметно встревожилась и хотела говорить, но король сделал такой решительный жест, что все поспешили удалиться и он остался один на ярко освещенном лугу, где за несколько минут перед тем слышался веселый говор и смех.

– Коннетабль Франции! – крикнул неожиданно король.

Карл Бурбон, пользуясь удобной минутой, поспешил присоединиться к остальному обществу, но теперь он вынужден был вернуться.

Король стоял перед ним несколько минут молча, с опущенными руками, и наконец медленно проговорил:

– Коннетабль, против вас существуют сильнейшие улики... Вы поддерживаете сношения с императором Карлом V...

Коннетабль молчал.

– Улики налицо! – продолжал король. – Как первый военный сановник в государстве, как принц королевского дома, вы рискуете потерять через это честь, свои земли и жизнь. Вам неужгодно отвечать на это, потому что вы не решаетесь солгать мне.

– Государь!..

– Оставим это. С вами дурно поступили и раздражили вас; мы сами виноваты в этом; забудем последние месяцы; пусть каждый из нас постарается загладить свои ошибки. Честь и величие Франции в опасности! Будь достойным Бурбоном, кузен, обнажи свой меч коннетабля

и не складывай оружия до тех пор, пока наши победоносные знамена не будут развеваться на берегах По. Собери войска и жди меня в Лионе... Могу ли я рассчитывать на тебя?

– Я готов служить моему королю.

Франциск подал ему руку, и они пошли в замок. Несколько минут спустя Бурбон отправился в путь в сопровождении своей свиты.

Глава 3

Примирение, о котором мечтал Франциск, не могло уже состояться. Бурбон, вернувшись в свой замок Chanteile, застал там немецкого графа Рейса, который приехал к нему с полномочием от императора, чтобы заключить с ним окончательный договор. Коннетабль, узнав на опыте недобросовестность Валуа, не доверял великодушным порывам короля и прочности своего союза с ним и потому счел за лучшее заключить договор с Рейсом. По этому договору он обязывался произвести приготовления к войне против короля в тех владениях, которые могли быть отняты от него в случае процесса, – Бурбоне, Оверн, Марш, Форез, Божоле, а также во всех провинциях, где это окажется возможным. Одновременно с этим испанская армия должна была занять Гасконь и Лангедок, английская и нидерландская армии – Пикардию, а немецкая армия – Бургундию. В случае удачи Карл Бурбон за свое содействие получал бургонские владения в Лионне, Дофине и Провансе, из которых предполагалось составить особое королевство; остальная Франция делилась между императором Карлом и английским королем Генрихом VIII; последний приобретал при этом титул английского короля. В Блуа уже не раз доходили неясные слухи об этом опасном соглашении. Даже в тот вечер, когда коннетабль сделал визит герцогине Ангулемской, она сообщила своему сыну, что получила письмо от нормандского сенешаля Брезе, который извещал ее, что двое дворян признались на исповеди, что один знатный человек королевской крови завербовал их в заговор против государства. Но Франциск, согласно своему характеру, рассчитывал подавить заговор, выказав рыцарское доверие своим врагам, и отдал только приказ арестовать обоих дворян и привести их к герцогине Ангулемской. Вслед за тем он неожиданно отправился в Бурбоне в сопровождении многочисленной свиты, зная, что еще застанет коннетабля в Мулене. Здесь повторилась та же сцена, что и в Блуа, с той разницей, что король высказался более определенным образом, просил прощения у коннетабля за нанесенную ему обиду и обещал утвердить за ним бургонские владения в случае неправильного решения процесса. Но было уже слишком поздно; Бурбон не мог отступить от данного слова и был вполне уверен, что никакие обещания со стороны короля не спасут его от строгого наказания в случае, если будет открыт его договор с императором. Поэтому коннетабль, сделав над собой усилие, разыграл роль покорного вассала, заявил, что император заискивал перед ним, но что пока между ними не было заключено никакой сделки и что только нездоровье мешает ему отправиться с королем в Лион. Король уехал, оставив в Мулене одного дворянина, которому поручил следить за коннетаблем и торопить к отъезду. Но коннетабль крайне медленно собирался в путь и, едва доехав до ла Палисс, внезапно вернулся в свой замок Chantelle. Отсюда он написал королю, что *будет верно служить ему до самой смерти, если он прекратит процесс и немедленно утвердит за ним его бургонские владения*. Коннетабль вовремя снял с себя маску, потому что прежде чем его письмо пришло в Лион, прибыл туда посланный от герцогини Луизы и Дюпра с подробными показаниями обоих арестованных дворян, которым был сделан в Блуа строжайший допрос, после чего король немедленно двинул войска на Шанталь. Коннетабль едва избежал осады в собственном замке и, распустив наскоро своих приверженцев, бежал в Овернские горы и впоследствии с опасностью для жизни пробрался через Дофине в Савойю. Если, с одной стороны, близость королевской власти и уважение к ней способствовали быстрому усмирению опасного восстания, то с другой – нельзя было сразу довериться успеху; и поэтому король решил отказаться от личного участия в итальянском походе. Ловко задуманный план восстания стянул извне грозные тучи на Францию, и никто не мог сказать тогда, в какой степени возможно будет отвратить их без ущерба для государства. Но короля Франциска больше всего огорчала измена самого могущественного и знатного человека в королевстве, его товарища по оружию, который, несмотря на простоватость, нагло обманул его, уверив в своей верности. Франциск был озадачен таким

вопиющим противоречием с рыцарством, которое стремился воскресить в своем лице. Ему и в голову не приходило, насколько он сам был далек от рыцарского идеала со своей ненасытной жадой к переменам в наслаждениях. Быть может, это осознание в значительной мере отравило бы ему существование, во всяком случае заставило бы его посмотреть снисходительнее на поступок коннетабля. Но Франциск не был способен к анализу. Он вернулся в Блуа в самом печальном расположении духа и, против обыкновения, удалился один в свою комнату. Слуга, предполагая, что король чувствует себя нездоровым, развел большой огонь в камине, который в те времена представлял собой подобие обширной ниши. Король долго сидел неподвижно в своем кресле, грустно устремив глаза на мерцающее пламя. Наконец вошел слуга и спросил, угодно ли будет его величеству ужинать в большом или в маленьком обществе или он никого не желает видеть сегодня. Король, подумав немного, спросил:

– Кто здесь из моих ученых господ? Вернулся ли канцлер Бюде?

– Канцлер приехал сегодня и к услугам вашего величества.

– Отлично!.. Позови его к ужину. Кто еще в Блуа?

– Господин епископ Тюля и Макона, затем господин Дюшатель; он приехал с вашим величеством!

– Разумеется, и они должны быть.

– Здесь еще скульптор Жюет, живописец Жан Кузен. Эти господа уезжают завтра в Париж вместе с господином Приматисом, который собирается в Фонтенбло.

– Приматис еще не уехал! Очень рад... Еще кто?

– Господин Ласкарис, господин Маро...

– Маро мне не нужен: я не расположен смеяться сегодня. Впрочем нет, пусть и он придет! Но прежде всего, позови ко мне господина Дюпра.

С этими словами король взял со стола бумаги и стал внимательно разглядывать их. Одной из особенностей Франциска было искусство объять сразу всякое дело и быть вечно занятым, хотя, разумеется, не одними государственными делами. Он или учился и занимался чем-нибудь, разговаривал, или предавался наслаждению. Это было потребностью его природы. И потому он любил окружать себя учеными или художниками и, никогда не расставаясь с ними, даже брал их с собой на охоту. Они же были его любимыми собеседниками за столом. Франциск называл их общим именем *мои ученые*. У него перебивало их огромное количество, и каждого вновь прибывшего он до тех пор расспрашивал и выжимал из него соки, пока не приходил к убеждению, что тот уже не сообщит ему ничего нового. В этом отношении король особенно ценил Дюшателя, который был у него долго чтецом, и говорил, что Дюшатель единственный человек, знания которого он не мог исчерпать в два года. Тем не менее, Франциск тратил иногда целые дни на свои сердечные привязанности, но не считал это время потерянным. «Разве я не живу полной жизнью, когда наслаждаюсь! – говорил он. – Все остальное должно способствовать этому; чем я учнее и чем больше буду знать, тем больше у меня будет средств к наслаждению и тем лучше я сохраню душевное и телесное здоровье, это неизбежное условие всякого наслаждения».

Для окружающих частые сношения с королем не были особенно легки и приятны. Он требовал, чтобы другие так же быстро и живо воспринимали впечатления, как и он сам, не выносил неопределенных ответов и полуправды и относился с презрительным равнодушием ко всему, что не соответствовало его вкусу. Вследствие этого у короля были частые столкновения с Жаном Кузеном, знаменитым французским художником, архитектором и геометром, который по разнообразию своих талантов не уступал гениальному Приматису. Последний имел над ним только преимущество в скульптуре и отличался более тонким вкусом. Кузен от живописи на стекле перешел к масляным краскам и в своих изображениях придерживался Микеланджело. Король находил фигуры и лица на картинах Кузена чудовищными и превозносил до небес Рафаэля.

– Человек представляет собою величайшее художественное произведение, – говорил король живописцу, – ты не должен позволять себе тут никакой утрировки.

Кузен рисовал тогда последний суд в Венсенне и считал себя оскорбленным, что король посещает его реже, чем других живописцев.

– Зачем рисуешь ты мне такие адские рожи? – сказал ему по этому поводу Франциск. – Они неприятно действуют на мою фантазию, вместо того чтобы освежать ее.

Вошел Дюпра с низким поклоном. Король взглянул на него и, окончив чтение бумаг, сказал:

– Твой доклад о заговоре ясно составлен, Дюпра, и принятые тобой меры, чтобы изловить преступников, вполне целесообразны. Благодарю тебя... Я не предполагал, что на свете существует такая глубокая испорченность! Всего досаднее, что эти негодяи отнимают у нас время и отвлекают от более важных дел. Но я не буду церемониться с ними и навсегда отобью охоту к подобным проделкам. Все те, которые окажутся виновными в государственной измене, умрут постыдной смертью. Они у тебя здесь, в Блуа?

– Они к услугам вашего величества. Но я осмелюсь доложить вам, что двум из них – Матиньону и Аргужу, которые собственно и открыли здесь заговор, я обещал помилование именем короля, чтобы побудить их к полному признанию.

– Ты мог обещать, но мое дело помиловать их или нет. Кто третий?

– Дворянин, по имени Жан Пуатье, – ему не дано никакого обещания... Вашему величеству известно, что я не отличаюсь мягкосердечием, но ввиду будущего...

– В будущем никто не решится на что-нибудь подобное, когда увидит горькие последствия этого.

– Не найдет ли ваше величество более удобным передать это дело парламенту, сообразно обычаям страны, чтобы избавить себя от нареканий и какой бы то ни было ответственности?

– Не для того ли парламент затянул дело и отнял у него всякое значение? До сих пор я встречал только препятствия со стороны парламента. Нужно приучить Францию к тому, что король решает дела, а не парламент.

– Но и после решения парламента за вашим величеством остается право окончательного приговора над преступниками. Я заранее могу сказать, что в этом случае, как и во многих других, парламент не отступит от желаний короля, тем более что здесь идет речь о государственной измене.

– Я хочу немедленного решения этого дела.

– Я постараюсь по мере сил ускорить его и уверен, что доверие, которое вы теперь окажете парламенту, принесет свои плоды в будущем.

– Надеюсь, ты не забыл приказ, отданный мной в Лионе, чтобы сюда явились важнейшие сеньоры Нормандии и Бретони?

– Большинство их уже прибыло в Блуа. Если бы только вашим величеством придумана была подходящая форма для выговора, который вы намереваетесь им сделать, ввиду незначительного числа виновных в этих провинциях...

– Не беспокойся о форме. Для короля не существует никаких форм. До свидания.

Канцлер принужден был удалиться. Несмотря на его неусыпные старания, ему никак не удавалось встать в доверительные отношения с королем. Он делал все для достижения этой цели, подыскивал подходящие законы и формы, стараясь истолковать их в пользу короля, но все было напрасно. Этим он заслужил только расположение герцогини Луизы, которая советовалась с ним во всех делах, между тем как Франциск неизменно обращался с ним, как с членом ненавистной ему оппозиции в парламенте, которая то здесь, то там сдерживала его деспотические стремления. Король знал, что Дюпра вовсе не принадлежал к оппозиции, но не хотел показать этого, быть может, потому, что его тяготила благодарность к этому человеку, которого он презирал. Хотя Франциск не особенно ценил независимость и честность и как равнодушный

эгоист не старался изучать людей, но если у него был малейший повод не доверять кому-нибудь из своих слуг, то он обращался с ним самым холодным и унижительным способом. Благодаря своему гордому обхождению и величественной наружности, Франциск невольно импонировал французам, как никто из их бывших и последующих королей, кроме Людовика XIV. Но то наружное величие, которое у Людовика являлось отчасти результатом известных принципов, у Франциска было прямым следствием его беспечной и эгоистической натуры.

– Эй! Кто там? – крикнул неожиданно король, когда канцлер вышел из комнаты. – Господин канцлер! Вернитесь на минуту. Скажите, кстати, сеньорам Бретони и Нормандии, чтобы они немедленно собрались в церкви и ждали там моего приказа! Пусть им пока прочитают мессу!

По знаку короля слуга отворил дверь в только что построенный флигель замка, где среди четырехугольной, ярко освещенной залы стоял накрытый стол и где уже собрались приглашенные гости – ученые и художники. Король вошел и, не глядя на них, сделал жест рукой вместо поклона. Глаза его внимательно разглядывали потолок и стены, которые, по-видимому, были только что окончены, так как краски казались совершенно свежими.

– Ты здесь, Приматис? – спросил король, не сводя глаз со стен и потолка.

– Что угодно вашему величеству? – сказал, подходя к королю, хорошо сложенный человек с благородным выражением лица и красивой бородой.

Франциск, все еще занятый осмотром стен, подал руку художнику с сияющим лицом.

– Ты опять мастерски исполнил свое дело! Знаешь ли, что говорят про нас олухи? Будто мы проводим в искусстве антихристианскую чувственность и что сирены и фавны на карнизах и украшениях чересчур языческие!

– Разве искусство, – возразил Приматис на ломаном французском языке, – не изображается в виде божества в чувственных формах!

– Разумеется! – заметил король. – Ты прав как всегда!

– Если мы опять ввели полноту и пластичность формы в постройках и живописи, – продолжал Приматис, – и отбросили вытянутые узкие линии средневекового искусства, то это и составляет со времен Брунеллески сущность стиля ренессанс. Ваше величество, вероятно, изволили заметить на плане новой церкви Святого Петра, что в этом удивительном произведении Браманте Урбино везде преобладают закругленные линии и языческая пластика; купол греческого Пантеона должен увенчать здание.

– Любопытно будет взглянуть на это здание! – сказал король. – Но у меня в голове составилась проекция другого, не менее своеобразного смешения стилей, который меня еще больше интересует. Завтра ты поедешь со мной в Солон. Там на краю необозримого дубового леса Шамбор стоит убогий готический замок одного старого графа. С грязной башни этого замка я не раз любовался на зеленое море леса. Ничто не может быть прелестнее этого, Приматис! На несколько миль кругом ничего не видишь, кроме древесных верхушек на темной массе густой бархатистой зелени. Там мы построим замок сообразно всем требованиям новейшего вкуса, со стройными мавританскими зубцами, широкими куполами и высокими лестничными башнями. Только лестницы должны быть еще шире и легче тех, которые ты строишь в этом замке. Там ты сделаешь мне плоскую крышу, для наслаждения лесом с высоты на открытом воздухе! Разверни крылья своей фантазии, маэстро, и представь мне завтра проект моего нового замка!.. А!.. И ты здесь, Гильом! Выздоровела ли твоя нога? Не приехала ли с тобой в Блуа твоя красавица графиня?

– Моя нога зажила, – ответил Бюде, следуя за королем в оконную нишу, – но графиня осталась в Бретони.

– Очень жаль! Ну, а сам Шатобриан приехал?

– Да, он здесь, так как вам угодно было созвать сюда всех этих баронов. Граф бережет свою жену от посторонних взоров как драгоценность, и я нахожу, что он целиком прав!

– Я хочу видеть это сокровище *foi de gentilhomme*! Меня точно так же тянет к красивой женщине, как оленя к источнику в жаркий день. Мы сегодня же ночью отправимся туда и сделаем сюрприз прекрасной хозяйке замка.

– Не делайте этого, государь! Предоставьте это времени. Может быть, между вами образуются более прочные и честные отношения. Но не втягивайте это прекрасное и благородное существо в дикий омут...

– Я вижу, что твоя голова все еще занята твоим богословским поручением в Англию! Ты слишком совестлив, Бюде, и вероятно научился этому в Риме, где тебя в продолжение нескольких лет надували святые люди по поводу конкордата.

– Лучше быть обманутым, чем обманывать людей заодно с высокопоставленными людьми. Все, что я видел в Англии, привело меня к убеждению, что дела церкви становятся там запутаннее со дня на день и что с королем Генрихом не может быть никакого соглашения. У него какие-то нечестные замыслы; он хочет избавиться от папской власти, но не думает вводить какие-либо улучшения в церкви. Что же касается наших планов относительно школ и обучения вообще, то мы опередили его; поддержите только наши новые учреждения в Париже, и мы поднимем уровень знания. Если бы вы дали мне только средства нанять десятерых учителей!

– Средства! Средства! У меня самого нет денег. Здесь произошли в твое отсутствие такие важные перемены, что вероятно потребуются новые суммы. Я потому и послал за тобой гонца в Бретонь, что за ночь у меня созрел новый план. Завтра ты отправишься в Тур и узнаешь, нельзя ли без особенного скандала снять серебряную решетку у памятника святого Мартина. Король Людовик XI был искусный плотник, но не имел никакого понятия об искусстве. Нужно объяснить жителям Тура, что следует сделать более изящную решетку для их святого и что я уже заказал ее. Жан Жюст отправится вместе с тобой в Тур и сообразно размерам гробницы представит мне эскиз красивой мраморной ограды. Пойдем, Гильом, я намерен сделать небольшую прогулку и посоветоваться с тобой об одном важном деле.

Король взял под руку канцлера и вышел с ним на склон горы, обращенный к Луаре. Слуги должны были опять снять со стола принесенные блюда и унести на кухню. Они привыкли к тому, что король не соблюдал им же самим назначенных часов для обеда или ужина и всегда строго взыскивал с них, если какое-нибудь кушанье оказывалось недостаточно горячим и вкусным. Гости также не были удивлены невниманием короля; он поступал так бесцеремонно вовсе не потому, что у него собрались одни только художники и ученые. Если бы даже его ожидали в это время самые знатные особы королевства, то и тогда он не постеснялся бы уйти от них, если что-нибудь другое занимало бы его. Большей частью его побуждало к этому не какое-нибудь важное и спешное дело, потому что он готов был бросить всякое дело, чтобы окончить незначительный разговор, почему-либо увлекавший его. В этом не было также ни малейшего желания издеваться над людьми, но и тут, как всегда, действовал присущий ему эгоизм, который заставлял его забывать о других и предаваться всецело впечатлению минуты.

Была темная сентябрьская ночь; с реки дул теплый порывистый ветер.

Король сел на камень, приготовленный для постройки, и после продолжительного молчания сказал:

– Я вечно останусь благодарен тебе, Гольём, за то, что ты в былое время умел успокоить королеву Клавдию, когда я бывал несправедлив к ней. Теперь только я оценил ее кротость и прямодушие и мне недостает ее добрых, любящих глаз, которые так благотворно действовали на меня. Она могла бы быть красивее... как часто и с горечью я упрекал ее за это... но она меня горячо любила и всегда была мила со мной, когда бы я ни приходил к ней и в каком бы ни был расположении духа. Я говорю о моей жене как о мертвой, Гольём, потому что доктора со дня на день ждут ее смерти; она и теперь едва похожа на человеческое существо. Мне нужна женщина, которая бы любила меня, не стесняя моих привычек. Между тем Франция точно выродилась; я не встречаю больше ни одного красивого существа. Когда я вспоминаю

мое свидание с папой в Болонье, после битвы при Мариньяно, то невольно удивляюсь тому изобилию красавиц, которое я видел тогда; у меня разбежались глаза и едва хватало времени, чтобы сорвать те роскошные цветы, которые попадались мне на каждом шагу.

– Вы тогда были семью годами моложе, государь.

– Ты меня не уверишь, что это единственная причина. Красота стала редкостью во Франции; из-за этого я готов был бы поехать в Испанию, но этот проклятый коннетабль удерживает меня здесь. Вы все говорите, что нашли редкое сокровище в лице молодой графини Шатобриан, и хотите закрыть мне доступ к ней. Я не знаю даже, чем объяснить это.

– Я был бы очень счастлив, если бы мог посвятить вам эту прелестную женщину и соединить ее на всю жизнь с моим королем! Эта мысль занимала меня во все время моего пребывания в замке Шатобриан. Я еще не встречал существа, которое более подходило бы вам по своему развитию и душевным свойствам; веселость совмещается в ней с задумчивостью, мечтательность – с остроумием; талантливость сказывается во всем, чего коснется ее рука или что произведет на нее хотя бы минутное впечатление; ее ум способен понять самые глубокие мысли, примениться ко всем формам жизни. При этом она хороша, как ангел...

– Этого достаточно, Бюде! Она будет принадлежать мне. Это так же верно, как то, что Луара течет к Бретони.

– Я прокляну час, когда заговорил о ней в вашем присутствии, если вы намерены легкомысленно посягнуть на ее честь.

– Разве у меня не может быть относительно твоей графини серьезных и честных намерений? Не сегодня-завтра я буду вдовцом. Неужели ты думаешь, что папа не даст развода какой-либо женщине по моей просьбе?

– Государь...

– Я не женюсь больше из-за политических целей! Мне уже не надо больше добиваться престола...

– Если бы это могло случиться когда-нибудь! Но этого не будет! Вы слишком пылки и невозддержанны; вас ничто не свяжет... вы...

– Что я такое?

– Вы измените всякой женщине.

– Бюде, ты становишься дерзким.

– Да, мой повелитель, я знаю это...

– Ты ошибаешься. Разве верность не составляет основы рыцарства, или ты не считаешь меня рыцарем?

– Напротив, я считаю вас вполне рыцарем!..

– Итак, приступим к делу. Оно имеет для меня весьма важное значение. Клянусь своей рыцарской честью, что я увижу ее. Едва ли она любит графа Шатобриана.

– Нет, она не может чувствовать к нему никакой привязанности. Ее отдала отжившему пустоголовому графу, когда ей не было и пятнадцати лет; но она воспитана в самых строгих правилах.

– Как это устроить, чтобы он вызвал ее в Блуа?

– Ну, это будет необыкновенно трудно. Граф настороже и боится какой-нибудь нахальной выходки со стороны Бонниве. Он оставил свою жену в замке под строгим надзором и приказал ей не выезжать оттуда до тех пор, пока она не получит условленного знака.

– Какого знака?

– Половину кольца, которая должна в точности подойти к той половине, которую он оставил ей.

– Значит одну половину кольца он возит с собой! Если бы можно было добыть ее как-нибудь на двадцать четыре часа, то у меня нашлись бы художники и на такое дело... Но довольно об этом, я проголодался, пойдемте ужинать, Гильом.

– Что это значит? Церковь освещена!.. Король громко расхохотался и воскликнул:

– Это значит, что нормандцы и бретонцы молятся там в ожидании моего прихода; наш господин с кольцом также в церкви... Что случилось?

Последний вопрос относился к придворному, который, видимо, ожидал короля на лестнице замка и вышел ему навстречу. Он доложил, что месса давно окончена и что сеньоры ждут короля.

– Пусть ждут, пока я поужинаю.

Проходя через караульную, король сделал знак рукой. Тотчас же громко затрубили трубы, это служило сигналом, что король садится за стол. Слуги бросились стремглав за кушаньем.

Глава 4

Король, несмотря на свое видимое равнодушие, не пропустил ни одного слова из того, что говорил Бюде, и еще в начале ужина поспешил сообщить обо всем этом Бонниве как самому искусному человеку в любовных делах. Адмирал вполне заслуживал доверия короля, потому что со стола не была еще снята первая перемена, как уже слуга его был отправлен в Блуа с нелегким поручением достать во что бы то ни стало верный снимок с половины кольца графа Шатобриана. Слуга этот, по имени Флорио, был привезен адмиралом из Италии. В те времена Италия была тем же, чем впоследствии сделалась Франция: утонченность жизни была развита в ней более чем в какой-либо другой стране в Европе, а равно и способность к интриге, чем и теперь отличаются итальянцы. Флорио родился в Риме и был итальянцем в полном смысле этого слова. Вопросы, волновавшие тогдашний европейский мир, были ему знакомы в общих чертах. Он служил прежде у одного прелата, и мерилом умственных интересов, занимавших тогдашнее высшее духовенство, может служить тот факт, что за десять лет перед тем папы на лютеранском соборе сочли нужным оспаривать «еретическое учение о смертности души». Платонизм, породивший столько любопытных теорий и крайностей, был изгнан из жизни духовенства, уступив место скептицизму и эпикурейству. Помимо живописи и скульптуры, гениальный папа Лев X увлекался в такой же степени охотой, концертами, поэзией и театром; в его присутствии представляли в Ватикане Макиавелли «La Mondragore», где в самых ярких красках осмеяно монашество и его распущенность. Прелаты, в свою очередь, старались во всем подражать папам, и их слуги славились как самые утонченные плуты в целом свете. В Болонье, во время знаменитого свидания Франциска I с папой, Бонниве удалось завербовать Флорио к себе в слуги. С этих пор он часто употреблял ловкого итальянца для поручений в любовных делах короля.

Флорио поспешно сошел с горы, на которой стоял замок, и отправился в темневший перед ним город, чтобы познакомиться со слугами графа Шатобриана. Все питейные дома в Блуа были в это время переполнены телохранителями и слугами приехавших сеньоров, потому что каждый из этих господ изображал из себя маленького короля и отправлялся в дорогу не иначе как в сопровождении многочисленной свиты. Все они были на ногах, так как пэры королевства все еще ожидали короля в церкви. Блуа был тогда настолько незначительным городом, что Флорио тотчас же отыскал все, что ему было нужно. Через какие-нибудь четверть часа он узнал, что любимым слугой графа Шатобриана был кровный бретонец по имени Батист, пожилой человек, с рыжими волосами и мрачным выражением лица, и тотчас же свел с ним знакомство.

Сначала разговор шел довольно туго, потому что Батист говорил на своем непонятном местном наречии, что было естественно в те времена, когда даже в высших классах очень немногие говорили чистым французским языком. Но Флорио скоро освоился с говором своего нового приятеля, и немного погодя они уже доверчиво сидели друг перед другом за кружкой вина. Итальянец после десятилетнего пребывания в стране успел приглядеться к особенностям различных французских провинций и знал, как обходиться с бретонцем. Предполагая, что Батист, как большинство его соотечественников, склонен к меланхолии и пьянству, он предложил ему вина и занял серьезным разговором. Расчет его оказался вполне верным. Батист слушал с большим вниманием описание жизни римских прелатов, тем более что Флорио выдал себя за природного француза, который попал в Италию в качестве военнопленного и таким образом познакомился с нравами тамошнего духовенства. Вместе с тем Флорио усердно подливал своему ревностному слушателю бургонское, которое велел подать вместо легкого местного вина. Батист скоро разгорячился и беспрекословно согласился на предложение Флорио уйти от шумного окружающего их общества, чтобы на свободе поговорить о Боге и церкви. Слуги

приехавших господ, не стесняясь, выражали свое мнение о короле, который, по их понятиям, был ничто сравнительно с их сеньорами, но каждый из них остерегался публично говорить о религии. Между тем Флорио начал рассказывать о немецком еретике и бывших в то время церковных состязаниях и так заинтересовал Батиста, что тот сам предложил отправиться на квартиру графа Шатобриана. Этого Флорио только и желал. Войдя в дом, он внимательно разглядел разложенные чемоданы и раз десять под тем или иным предлогом пытался удалить на несколько минут Батиста из комнаты. Это долго ему не удавалось; но с наступлением ночи бургонское оказало свое действие: у бретонца стали слипаться глаза, он положил обе руки на стол и, склонив на них голову, заснул мертвецким сном; его глаза и лоб мало-помалу скрылись в кожаных рукавах куртки.

Жилище графа состояло из двух небольших комнат; дверь между ними была открыта; единственная лестница выходила на двор. Приехавшие сеньоры не могли быть особенно взыскательны в выборе помещения, так как их было слишком много для такого города, как Блуа. Внизу на дворе стояли графские лошади; люди его свиты расположились частью на открытом воздухе, частью в конюшне. Тогда не церемонились с прислугой: ее кормили досыта, но считали излишним заботиться о ее постелях. Кто не был господином, т. е. свободным сеньором на своей наследственной земле, и не носил меча, того ни во что не ставили. Одни только лакеи пользовались некоторым комфортом, потому что господа для большей безопасности и удобства держали их при себе. Таким образом, в комнате, где они сидели, у Батиста была своя постель, состоявшая из одеял, сложенных на земле. Здесь также были разбросаны пожитки графа: белье, платье, шпоры, оружие, но, разумеется, нигде не видно было половины драгоценного кольца, которую хотел добыть Флорио. Впрочем, он и не думал искать тут кольцо, а прямо направился в комнату графа, убедившись посредством шумного расхаживания по комнате, что Батиста нелегко разбудить. В сенях и на лестнице было тихо; со двора слышалось равномерное расхаживание и говор конюхов, которые не смели лечь до возвращения своего господина. Флорио, не стесняясь, перешарил чемоданы, комоды и шкаф при свете лампы, взятой им со стола, у которого спал Батист. Ничто не было заперто, потому что тогдашний сеньор был доверчив и вообще имел с собой мало денег; Флорио не нашел того, что искал. Стоя перед небольшой шкапулкой с цепями и различными украшениями, он с досадой повторил себе то, в чем был убежден в тот момент, когда взялся за трудное предприятие, а именно, что граф носит на себе важную для него драгоценность и никогда не расстанется с нею. Придя к такому неутешительному заключению, Флорио вернулся к своему спящему товарищу; но тут он услышал, как с шумом отворилась входная дверь и в сенях раздалось бречание шпор. Флорио, догадавшись, что это граф, поспешно задул лампу и изо всех сил начал трясти Батиста за плечо. Тот в испуге вскочил со своего места и бросился зажигать лампу, но это долго не удавалось ему, так что Флорио успел спрятаться под одеяла, составлявшие постель Батиста.

Вошел граф и, очутившись в темноте, разразился грубой бранью. С ним был какой-то другой сеньор, которого он прямо провел в свою комнату.

Наконец Батист зажег огонь, но, к счастью, сеньоры были в таком возбужденном состоянии, что не обращали никакого внимания на то, что делалось в другой комнате. Они громко разговаривали между собой и в резких выражениях бранили короля, который заставил их ждать до полуночи в церкви, а потом велел сказать им через ненавистного выскочку Бонниве, что он не будет говорить с ними до тех пор, пока не будут ему выданы из их провинций соучастники бурбонского заговора.

– Разве мы *сделались* слугами и подданными этого высокомерного Валуа! – воскликнул с яростью граф Шатобриан. – Разве он не заслуживает, чтобы мы нарушили ленную клятву, так как он превышает права ленного государя! Я держусь того мнения, что мы, бретонцы, должны с наступлением завтрашнего дня отправиться в Ренн, а вы, все нормандские сеньоры, – в Руан;

оттуда мы пошлем сказать Франциску, через наших сенешалей, что если он не смирит свою непомерную гордость, то пусть не рассчитывает на нашу верность.

– Я не знаю, насколько это будет полезно для Нормандии! – сказал другой сеньор, маленький шеголеватый человек, который вместе с графом ходил взад и вперед по комнате. – К несчастью, мой тесть слишком замешан в этом деле; если я буду отстаивать права провинции и заслужу немилость короля, то могу погубить старика.

– Вы, кажется, также старались довести до сведения короля о бурбонском заговоре! Дай Бог, чтобы вам не пришлось раскаться в этом!.. Чем же он выказал вам свою благодарность?

– Он, кажется, считает это не более как исполнением обязанности ленного сеньора! Мне даже не дано было разрешения войти в темницу графа Валлье; моя жена будет очень огорчена этим. Впрочем, вашей жене предстоит такое же душевное горе; я слышал, что ее брат Лотрек едет сюда и подвергнется строгому допросу... Мы должны поступать крайне осторожно, потому что король задается широкими планами: а вы знаете, что он подобно Людовику XI крайне неразборчив в выборе средств и с помощью Дюпра захватит в свои руки парижский парламент, который и без того пользуется всяким случаем, чтобы урезать наши права.

– Какое нам дело до Парижа! – возразил Шатобриан. – Разве у нас нет своих парламентов! Мы главным образом должны принять меры, чтобы эти королевские прислужники не сели нам на шею. Вы напрасно ожидаете, Брезе, каких-то благ от Валуа. Что они такое? Бедные рыцари, случайно взведенные на престол вследствие прекращения королевского рода! Как безумно поступила ты, Анна Бретонская, выйдя замуж за Людовика! Ты принесла нас, бретонцев, в приданое этому лживому королевскому дому и отдала кроткую Клавдию высокомерному Франциску, который не умеет ценить ни своей жены, ни твоей наследственной Бретони! Не в тысячу ли раз было бы лучше, если бы мы сохранили свою самостоятельность или присоединились к Англии?..

– Нет, Шатобриан! Это было бы изменой относительно Франции!

– Франция! Что такое Франция? Уж не этот ли сброд людей, которых возвышает Валуа на нашу гибель? Во имя этой же Франции мало-помалу уничтожают наши права!.. Бедный Лотрек! Неужели он должен погибнуть!

– Через него Франциск потерял целое войско и страну, которую считал своим наследственным достоянием, – ответил Брезе.

– Он не виноват, если счастье изменило ему! Лотрек не трус; в его жилах течет кровь Фуа; я убежден, что он не сробеет перед Франциском. Тем не менее, мы должны приготовиться к борьбе; горькая необходимость принуждает нас к этому...

– Мы об этом еще переговорим. Покойной ночи, граф!..

Между тем Батист совсем забыл о своем госте; он приготовил на ночь большой бокал вина для своего господина и, поставив его на стол, подошел к своей постели, чтобы стряхнуть одеяла. При этом, разумеется, он нашел Флорио и так как вовсе не ожидал ничего подобного и вообще не отличался быстротой соображения, то дело не обошлось без возгласа и разных вопросов со стороны бретонца. К несчастью, это случилось в то время, когда граф провожал своего приятеля через комнату Батиста в единственную переднюю, выходившую на лестницу; граф увидел Флорио и бросился к нему с крепкой бранью. Итальянец вскочил на ноги и в коротких словах старался объяснить свое присутствие в комнате Батиста. Но, прежде чем он успел кончить свою фразу, Брезе с испугом шепнул графу:

– Этот плут подслушал нас!

– Велика беда! – возразил граф. – То, что мы говорим, может слушать весь свет!

– Ведь это слуга адмирала Бонниве! Я знаю его в лицо.

– Как! И он осмелился!.. – громко вскрикнул граф, поспешно подходя к столу, на котором лежали разные вещи. – Где мой кнут?

Флорио, пользуясь этим моментом, бросился к двери и исчез прежде, чем сеньоры и Батист успели выбежать со свечой в переднюю. Итальянец отличался редкой настойчивостью в преследовании своих целей. Он сообразил, что теперь, когда его узнали, вряд ли когда-нибудь представится ему такой удобный случай для выполнения данного поручения, и потому решил во что бы то ни стало остаться в доме, в том расчете, что здесь всего менее станут искать его. Передняя, как почти во всех домах того времени, состояла из открытой галереи, окружавшей весь дом. Вместо того чтобы пробежать по лестнице во двор, Флорио остался в галерее и, свернув за угол, прижался к простенку. Расчет его оказался верным. Преследователи прямо устремились к лестнице и спустились по ней. Флорио выждал, когда они скрылись за поворотом крыльца, и проскользнул назад в комнату Батиста через настежь отворенную дверь. Здесь он поспешно подошел к столу, где стоял приготовленный бокал с вином, взял его ощупью одной рукой, а другой вынул из своей куртки небольшую склянку, откупорил ее зубами и вылил из нее всю жидкость в бокал, который опять поставил на стол. Затем он начал шарить по комнате, стараясь найти место, где ему спрятаться. Он выбрал его еще лежа на постели Батиста. Это был правый угол при входе, где была протянута занавесь из саржи для предохранения за нею платьев от пыли. Но тут Флорио наткнулся на стул и, упав на землю, выронил пустую склянку из рук. Отыскивая ее в темноте, он услышал голос графа, который возвращался домой с Батистом. Флорио ничего не оставалось, как бросить поиски и поспешно скрыться за занавесью.

Граф был в сильном гневе и наказал своего слугу чувствительным ударом кнута. Батист равнодушно перенес его и молча стал готовить постель своему господину. Граф сердито сорвал с себя платье и, проходя мимо стола, взял бокал и более чем наполовину выпил *его*. В этот момент Батист всей тяжестью своего тела наступил на склянку и раздавил ее.

– Это что такое? – воскликнул граф, ставя бокал на стол.

– Не знаю, – ответил слуга в смущении, поднимая осколки.

Граф выхватил у него из рук кусочек стекла и, разглядывая его при свете лампы, увидел на нем какую-то вязкую жидкость. Он понюхал ее, затем бокал, и, по-видимому, в голове *его* блеснула какая-то мысль. Подозвав Батиста, он пристально вглядывался в его лицо несколько минут. Тот стоял равнодушно, не моргнув глазом.

– Выпей все до дна, – сказал граф, подавая ему бокал.

Батист, ничего не понимая, с удовольствием выпил вино до последней капли.

Граф молча лег на постель. Батист снес лампу в его комнату, заслонил ее креслом и сам отправился на покой. Несколько минут спустя в обеих комнатах наступила мертвая тишина, и Флорио мог убедиться, что сонный напиток, привезенный им из Рима, оказывает свое действие и на сильно возбужденных людей. Когда захрапел Батист, сначала тихо, а потом все громче и громче, Флорио вышел из своей засады, снял с себя башмаки и поставил их в передней у дверей, прокрался в комнату графа. Четверть часа стоял он неподвижно у порога и с напряженным вниманием прислушивался к дыханию спящего; наконец, убедившись, что с этой стороны ему опасаться нечего, подошел к постели.

Но чем дольше Флорио приглядывался и рассматривал спящего графа со всех сторон, тем недовольнее становилось его лицо. Он рассчитывал, что половина кольца надета на шею графа и прикреплена цепочкой. Но на обнаженной, обросшей темными волосами груди сеньора не видно было ни цепочки, ни кольца. Нужна была немалая доля решимости, чтобы подойти к изголовью и близко рассмотреть это бледное лицо с высоким лбом, широкими висками и отброшенными назад черными жидкими волосами. Что-то угрожающее было в орлином заостренном носе бретонского сеньора, в нервном подергивании лица и в его худощавой руке, протянутой на одеяле, с напряженными жилами и крепко стиснутым кулаком, который как будто готовился нанести удар. Но это не могло удержать Флорио; он знал, что трудится для короля и что в случае удачи его ожидает большая награда. Он наклонился над спящим и поднял руку над его лицом, чтобы убедиться, насколько сохранилась в нем чувствительность. Но граф,

лежа на спине, спал так же спокойно, как и прежде. Флорио быстро отвернул у него ворот рубашки с правой стороны и увидел, к величайшей своей радости, шелковый шнурок; не теряя ни секунды, он с той же поспешностью открыл рубашку с левой стороны; тут у беспокойно бьющегося сердца висела половина кольца. Против всякого ожидания вместо цепочки оказался шелковый шнурок, и потому Флорио мог без труда перерезать его и овладеть кольцом. Но это не входило в его планы, потому что граф на следующее утро мог заметить потерю кольца и принять меры, чтобы никто не мог воспользоваться находкой. Верный слуга адмирала не поддавался искушению и хотел в точности исполнить возложенное на него поручение. Он вынул из кармана небольшой кусок воска, осторожно притянул к себе за шнурок половину кольца и тщательно облепил ее воском со всех сторон, чтобы снять по возможности верный снимок. Это был самый трудный момент для Флорио; он должен был низко наклониться над спящим и чувствовал его дыхание на своем лбу. Вынимая поспешно кольцо из воска, он невольно вздрогнул, так как ему померещилось, что граф смотрит на него, и при этом довольно сильно потянул к себе шнурок. Граф быстро поднял руку, сначала схватил себя за грудь, потом за руку Флорио; глаза его наполовину открылись. У итальянца замерло сердце от испуга; он не шевельнулся – малейшее движение с его стороны могло окончательно разбудить спящего. Благодаря этому граф через секунду опять заснул крепким сном; глаза его закрылись, крепко вцепившиеся пальцы ослабили и выпустили руку Флорио. Верный слуга, едва не сделавшийся жертвой своей смелости, опять почувствовал себя на свободе. Тихонько ступая нога за ногу, он пробрался в комнату Батиста и вышел в переднюю. Здесь он бережно спрятал восковой слепок, который держал в левой руке, и вытер пот, выступивший у него на лбу от страха. Ему показалось, что он слышит шорох в комнате Батиста, но теперь это не особенно встревожило его, так как он считал себя вне опасности. Сойдя поспешно с лестницы, он без труда отодвинул засов, которым была заперта наружная дверь, и стал прислушиваться, но на лестнице и в комнатах наверху была мертвая тишина.

Очувтившись на улице, итальянец набожно перекрестился и исчез во мраке сентябрьской ночи.

Король Франциск ничего не знал о распоряжениях Бонниве. При своей страстности и деспотизме, он считал дозволенным все, что служило для исполнения его желаний, лишь бы это делалось помимо его, и глубоко возмущался, когда видел какое-нибудь грубое насилие, которое совершалось на его глазах, – противоречие, которое мы часто встречаем в нравственно не развитых и грубых натурах. Бонниве был создан для роли фаворита: он никогда не заботился о том, чтобы дать полезный совет королю, а давал только те советы, которые были согласны с желанием его величества. Изучив до тонкости характер Франциска, он не считал нужным сообщить ему о данном поручении относительно кольца, пока дело окончательно не устроится.

Обыкновенно в подобных случаях, когда уже все было подготовлено ловким адмиралом с большим трудом, а иногда и ценою преступления, Франциск со смехом пользовался тем, что он называл своей «bonne fortune», и вступал в любовную интригу, не удостаивая даже словом благодарности своего услужливого любимца.

Теперь, когда точный восковой снимок был в руках, ничего не стоило подделать половину кольца. Но опытный адмирал понимал, что это был только первый шаг и что еще много предстояло ему хлопот для достижения желаемого результата. Поэтому он долго совещался с Флорио о том, как вызвать графиню из замка с помощью кольца, не возбудив подозрений, и как устроить ее в Блуа таким способом, чтобы она хоть на первое время была убеждена, что находится в квартире своего мужа. Для этого необходимо было удалить графа из города, что представляло нелегкую задачу.

Флорио должен был возобновить свои отношения с Батистом, так как граф, вероятно, сочтет нужным известить жену об опасности, грозившей ее брату. Всего удобнее было отправить кольцо с посланным графа, а как это устроить, адмирал не считал нужным давать какие

бы то ни было наставления своему слуге. Авантюрист всегда рассчитывает на случай и чертит план в общих чертах, не заботясь о подробностях.

Вечером следующего дня, когда поддельное кольцо уже было в руках Флорио, он увиделся с Батистом и за стаканом вина узнал от него, что граф намерен завтра утром отправить посланца с письмом в замок Шатобриан. Захватить этого посланца было нетрудно. За две мили от Блуа, по дороге в Амбуаз, был лес, прославленный разбойничеством; здесь Флорио приказал трем слугам Бонниве напасть на беднягу, ограбить его и связать. Пока посланец лежит ничком со связанными руками и ногами, один из мнимых разбойников принес ожидавшему в лесу Флорио письмо графа. Письмо было запечатано и завязано шелковой ниткой, но таким первобытным способом, что ловкий итальянец, не тронув печати, вложил в него половину кольца и опять завязал нитку. Затем он выехал на большую дорогу и, бросив на землю письмо, с большим участием заговорил с несчастным посланцем и освободил его от веревок. Тот был бесконечно благодарен ему и, обыскав карманы, с отчаянием заметил пропажу письма. Но, к счастью, оно скоро нашлось, равно как и лошадь, которая была привязана поблизости, у дерева. Посланец согласился с мнением Флорио, что на него напали случайно, приняв за кого-нибудь другого. Простившись дружески со своим освободителем, он отправился в Бретонь, благословляя судьбу, что так счастливо отделался от разбойников.

Флорио вернулся в Блуа в то время, когда в королевском замке распространилось известие, что Лотрек приехал в Роморантен с другими военачальниками. Говорили, что он в отчаянии, но вовсе не боится свидания с королем и обещает открыть некоторые обстоятельства, которые объяснят причину его поражения и приведут в трепет недобросовестных слуг короля. Одна особа в Блуа лучше, чем кто-нибудь, понимала значение этой угрозы. Это была мать короля, герцогиня Ангулемская. Она тотчас же послала за главным интендантом финансов Жаком де Боном, сеньором де Семблансэ, и спросила его, сохранил ли он расписку в 400 000 экю, которую она дала ему в конце прошлого года.

– Ваше королевское величество, вероятно, говорит о сумме, предназначенной для итальянской армии? – спросил интендант, простой, но крайне точный, деловой человек, высокого роста, худощавый, с неловкими манерами, поседевший и сгорбившийся на службе.

– Да, разумеется! Покажите мне квитанцию.

– Она в целости, ваше королевское величество.

– Я прошу вас показать мне ее.

Семблансэ был хорошо знаком с матерью короля, он не решался доверить ей такой важный документ и был слишком честным человеком, чтобы согласиться на последовавшее затем предложение герцогини представить какие-нибудь поддельные доказательства, что 400 000 экю были посланы в Италию.

Герцогиня втайне присвоила себе эту сумму и могла ожидать, что Лотрек объяснит неудачу своего похода недостатком денег, так как ему не была послана обещанная сумма, и что по этому делу будет произведено строгое следствие. Бедный Семблансэ не подозревал, что в подобных случаях честность и чистая совесть не могут служить достаточной защитой и что он поступает неблагоразумно, отказываясь так открыто от сообщничества с матерью короля!

Герцогиня простилась с ним крайне немилостиво и послала за Дюпра, который в это время представлял высшую инстанцию в управлении внутренними делами государства и никогда не останавливался ни перед каким окольным путем. Герцогиня могла смело рассчитывать, что Дюпра даст ей хороший совет в ее затруднительном положении.

Они долго беседовали наедине, и, когда ушел Дюпра, герцогиня немедленно отправилась к королю и пожаловалась ему, что Семблансэ чрезвычайно неаккуратно выплачивает ей деньги. Впрочем, добавила она, Дюпра также недоволен им с некоторого времени. Бог знает что случилось с этим стариком; у него заметно начинают слабеть умственные способности и память.

– Нет, вы ошибаетесь – возразил Франциск, – папа Семблансэ всегда был отличным и надежным слугой.

– Но я уверяю тебя, что с некоторого времени он совсем переродился; час тому назад он упорно доказывал, что заплатил мне большую сумму денег, а потом должен был сознаться, что у него нет никакой квитанции.

Вошел Шабо де Брион и доложил, что Лотрек приехал в Блуа и был торжественно встречен за несколько миль от города бретонскими и нормандскими сеньорами, во главе которых был граф Шатобриан. По-видимому, раздраженные сеньоры Бретони и Нормандии хотели сгруппироваться около военачальника, бывшего в немилоści у правительства, чтобы заявить этим свой протест против короля.

Вслед за тем пришло известие, что сеньоры не спешили в городе, как это делалось в подобных случаях, а едут верхом в гору в полном вооружении, в запыленном дорожном платье.

Все это имело вид грозной демонстрации: обширный двор замка скоро наполнился всадниками. Сеньоры сошли с лошадей и под предводительством Лотрека вошли целой толпой в караульную залу. Это было как бы намеренное нарушение формальностей, установленных Франциском: никто из них не просил доложить о себе, они отталкивали от себя дворян, находившихся в этот день на службе у короля, не удостоивая их ответами. Лотрек казался спокойнее всех; он молча шел среди дворян со строгим и серьезным выражением лица. Это был стройный человек, среднего роста, со смуглым, загорелым лицом и черными блестящими глазами. В каждом его движении сказывалась твердость и обдуманная решимость. Род Фуа, происходящий из живописной пиренейской местности того же имени, дал целый ряд выдающихся личностей. Гастон де Фуа во времена Людовика был первым военным героем Франции; его смерть при Равенне была воспринята народом как бедствие, постигшее всю страну. Младший из трех Фуа, служивших Франциску, Андре Фуа, умер геройской смертью при Наварре в 1521 году; средний из братьев Фуа, в звании маршала, прославился своей храбростью, сражаясь в Италии под начальством старшего брата Лотрека.

Сам Лотрек, до своего последнего несчастного похода, как военачальник пользовался общим уважением за свою осторожность и умение распорядиться вовремя военными силами. Между тем в этом походе оказалась небывалая для французского войска медлительность, вследствие чего упущены были благоприятные случаи для нанесения решительных ударов. Многие приписывали это тому обстоятельству, что из Франции не было послано обещанного подкрепления и что вследствие этого военачальник был поставлен в безвыходное положение. Все с одинаковым нетерпением желали узнать, что скажет Лотрек в свое оправдание и кого он станет обвинять в неудаче похода. Быть может, любопытство играло немалую роль в демонстрации сеньоров против деспотичного короля и заставляло их подниматься с такой поспешностью по лестнице замка.

На верхней площадке, перед входом в главную залу, вышел к ним навстречу Шабо де Брион и спросил именем короля, что может означать подобное нашествие без доклада.

– Для сеньоров страны, молодой человек, – ответил Шатобриан, – двери короля и ленного властителя Франции были открыты во все времена и чины государства никогда не докладывали о своем прибытии через слуг!

– Значит вы явились сюда в качестве представителей Нормандии и Бретони? – спросил громко Бонниве, выходя из залы.

Вопрос этот смутил сеньоров; они нерешительно перешептывались между собой.

– В таком случае, – продолжал Бонниве, – не угодно ли будет сенешалям обеих провинций выступить вперед; я доложу о них королю.

Никто не двинулся с места, но Лотрек, обратившись к Бонниве, сказал: «Если это входит в обязанности вашей службы, господин адмирал, то прошу вас доложить о моем приходе и

сказать королю, что Лотрек де Фуа явился сюда, чтобы дать ему отчет о французской армии в Италии».

– Ты говоришь неправду, Лотрек де Фуа, – сказал король, неожиданно появившийся в створчатых дверях залы, отворенных настезь.

– Де Фуа никогда не лжет, король Франции! – ответил Лотрек, гордо подняв голову.

– Разве в Италии осталась французская армия, военачальник без войска! Она не существует больше, ты допустил ее уничтожение. А теперь являешься в мой дом, окруженный дворянами, которые ворвались сюда неприличным образом и неизвестно для чего! Их присутствие может только помешать твоему оправданию, а не облегчить его.

– Я не приглашал сеньоров сопровождать меня...

– Нет, король Франциск, мы сами решили прийти с ним, – воскликнул граф Шатобриан, не помня себя от ярости. – Разве мы не видим, как погибают самые благородные люди Франции, а какие-нибудь выскочки без имени пользуются почестями. Всем этим вы довели Бурбона до последней крайности, и через ваше неприличное обхождение с пэрами Франции вы...

– А я должен сказать тебе, бретонский граф, что ты ведешь себя здесь, в Блуа, самым неприличным образом относительно своего короля и господина! Ты отправишься тотчас же в Париж и явишься перед парламентом; пусть он объяснит тебе твои права и обязанности.

– Парижский парламент не может судить меня; у нас свой суд! – ответил Шатобриан.

Но король не слушал его и, обращаясь к Лотреку, сказал:

– Ты, Лотрек, останешься в этом городе, пока я не потребую от тебя отчета. А вы, сеньоры Бретони и Нормандии, не стоите того, чтобы с вами совещался ваш король и господин, потому что вы поднялись против него в тот момент, когда обнаружилась самая гнусная измена против короля Франции и когда всякий порядочный дворянин должен вдвойне выказать ему свою покорность! Вы уедете из Блуа до заката солнца и будете ждать в ваших замках, что решит относительно вас ваш король, который больше не намерен спрашивать вашего мнения.

После этих слов, сказанных громким повелительным голосом, король удалился. Двери залы закрылись за ним.

– Ты прав, Гильом! – сказал король на следующий день, обращаясь к Бюде, когда ему доложили, что графиня Шатобриан находится в часовом расстоянии от Блуа и что Лотрек через несколько минут явится к нему на суд. – Мы, люди, представляем собой величайшую загадку. Немецкие монахи слишком много берут на себя, думая разъяснить религию и сказать о ней последнее слово. Жизнь потеряет для меня всякую прелесть, если я пойму все, что творится в моей душе. Ты должен поверить мне, Бюде, что я сам не знаю, как это случилось, что я извлек пользу из вчерашней истории. Клянусь моей честью, что я без всякого предвзятого намерения выгнал отсюда Шатобриана перед самым приездом его жены и отложил суд над Лотреком до сегодняшнего дня, так что брат и сестра могут встретиться в моем доме. Может быть, такого рода соображение явилось у меня в каком-нибудь затаенном уголке моего черепа, но я не сознавал этого и подобный расчет не руководил моими действиями. Но что с тобой, Бюде, у тебя такой печальный и серьезный вид?

– Меня беспокоит, что ваша королевская милость станет обходиться с этим удивительным созданием, как с обыкновенной любовницей, хотя я...

– Знаешь, Бюде, из тебя вышел бы отличный проповедник.

– Это дело кажется мне настолько серьезным, как я и прежде докладывал вам, что, рискуя навлечь на себя ваш гнев, я посоветую графине тотчас же вернуться домой.

– Глупый человек, разве я отрекаюсь от своих слов! Если эта женщина произведет на меня то впечатление, которое я ожидаю, то ты увидишь, насколько я серьезно буду относиться к ней.

Король подозвал к себе Бонниве, стоявшего в почтительном отдалении от него, и сказал:

– Я передумал. Когда приедет сюда графиня и, встревоженная отсутствием мужа, бросится отыскивать своего брата, ты не должен показываться ей на глаза, потому что ты можешь испортить все дело своим легкомыслием и только напугаешь ее. Пусть ее встретит Бюде и ответит к моей сестре.

Во время этого разговора, происходившего в полдень в большой зале замка Блуа, королю подали письма, заключающие печальные известия о ходе военных действий, которые дурно отозвались на его расположении духа. Он стал ходить взад и вперед по зале большими шагами и, по-видимому, не заметил Лотрека, который был введен в залу Шабо де Брионом. Лотрек молча поклонился и, остановившись среди залы, следил глазами за расхаживающим королем. Лицо его оставалось спокойным и серьезным. Король несколько раз прошел мимо него и наконец, остановился.

– Не тебя ли, Лотрек де Фуа, я послал в Италию с отборным войском?

– Да, я был послан вами в Италию.

– Где мое войско?

– Оно погибло.

– Где мой наследственный Милан?

– Он уже не принадлежит вам.

– Кто же виноват в этом, несчастный человек?

– Не я.

– Как смеешь ты говорить это! Не ты ли потерял Милан?

– Ты сам потерял его, король, потому что оставил нас на произвол судьбы.

– Каким образом? – спросил король, возвысив голос.

– Войску необходимо жалованье, потому что оно состоит не из дворян; войску необходимо продовольствие. Но ни о том, ни о другом не позаботились во Франции. Вспомните, король, что я не хотел уезжать отсюда, пока мне не выдадут деньги для ведения войны. Вы сказали мне тогда: «Уезжай спокойно, деньги будут высланы!» Я уехал – чем же это кончилось? Жандармы прослужили восемнадцать месяцев, не получив ни одного экю, так же как и швейцарцы, которые служат только из-за денег. Большинство их, наконец, бросило меня, а те, которые остались, принудили меня дать битву у Бикокка при самых неблагоприятных обстоятельствах. Они надеялись поживиться добычей и обратились в бегство при первом натиске.

– Как можешь ты жаловаться на недостаток денег, когда мне известно, что ты получил сполна обещанные 400 000 экю?

– Ты мне не высылал их.

– Это наглая ложь!

– Удержись, король Франции! Лотрек де Фуа уже несколько лет предводительствует твоими войсками и не позволит тебе обращаться с ним таким образом. Фуа не лжет! Я действительно получил твое королевское письмо, в котором ты извещал меня о посылке денег, но они не были высланы мне.

– Брион, позови Семблансэ!

Король опять принялся ходить взад и вперед по комнате. Он казался еще в большем волнении, чем при начале разговора. Когда вошел Семблансэ, король с горячностью спросил его:

– Разве я не приказал тебе послать 400 000 экю в итальянскую армию?

– Точно так, ваше величество.

– Ты исполнил мое приказание?

– Деньги уже были приготовлены к отправке, но ее королевское высочество герцогиня Ангулемская потребовала всю сумму себе.

– Разве ты мне не слуга и не считаешь себя обязанным исполнять мои приказания?

– Я противился, насколько это было возможно, против матери моего короля, но ваше величество было в отсутствии и мне ничего не оставалось делать, как заручиться формальной квитанцией...

– А мне ничего не остается делать, как отправить тебя на виселицу за твою глупость! Понимаешь ли ты свой нелепый поступок, старый дурак?.. Брион, попроси сюда герцогиню Ангулемскую!.. Ну, скажи, пожалуйста, на что мне эта бумага? Ты, кажется, потерял всякую совесть?..

– Моя совесть совершенно спокойна, а эта бумага – формальная квитанция герцогини в получении 400 000 экю.

– Давай ее сюда.

Король внимательно прочел расписку. Конвульсивное движение на минуту исказило его лицо; он смерил взглядом с головы до ног несчастного интенданта и затем молча посмотрел на дверь, через которую должна была войти герцогиня. Он почти раскаивался в том, что должен будет сделать допрос своей матери при свидетелях.

Когда вошла герцогиня, он вышел ей навстречу и, подойдя с нею к Семблансэ, сказал вежливым голосом:

– Герцогиня, этот человек утверждает, будто он выдал вам по вашему приказанию 400 000 экю.

– Чем же он может доказать это?

– Вот этим, – ответил король, показывая ей расписку, собственноручно подписанную ею.

Герцогиня ожидала этой критической минуты и, посоветовавшись с Дюпра, приготовилась к ней. Она внимательно прочла квитанцию и сказала равнодушным голосом:

– Да, это моя квитанция. Я получила деньги и дала расписку в получении их. Что же в этом удивительного, мой сын?

– Как! Разве вы не знаете, что, взяв эту сумму, вы лишили меня войска и моих итальянских владений?

– Боже меня избави от этого, мой сын! Зачем вы тогда не потребовали от меня этих денег? Я охотно пожертвовала бы их на содержание войска, хотя они были собраны мною ценой больших лишений.

– Что это значит? – спросил король.

– Герцогиня! Что вы говорите! – воскликнул Семблансэ, у которого на лбу выступили крупные капли пота при мысли о той опасности, которая грозила ему, так как он сразу догадался, к какой уловке хочет прибегнуть герцогиня.

Король не понял восклицания старика и, приняв его за просьбу о пощаде, стал настаивать, чтобы ему объяснили, в чем дело. Герцогиня, как бы нехотя, уступила желанию своего сына и рассказала, что у нее скопилась сумма в 400 000 экю, которую она отдала на хранение Семблансэ, и что эти деньги не имеют ничего общего с теми, которые были предназначены для итальянского войска.

– Мог ли я ожидать этого от тебя, Семблансэ! – воскликнул король. – Сколько лет я верил в твою честность, старый седой грешник! Как искусно обманывал ты меня!

Семблансэ положил руку на сердце и хотел повторить свои прежние показания, но герцогиня прервала его при первых же словах.

– Если французский король, – сказала она, – позволяет обвинять свою мать во лжи, то он должен, по крайней мере, делать это в приличной форме. Пусть этот человек будет призван к суду и дело исследовано надлежащим образом; я не желаю объясняться с обманщиком и унижать этим мое достоинство.

– Да, мы слишком испорчены и недостойны владеть такой прекрасной страной, как Италия! – воскликнул король, взглянув с сомнением сперва на мать, а потом на Семблансэ.

В это время к королю подошел Бонниве и шепнул ему что-то на ухо. Король поспешно бросился к окну, отворил его и, взглянув во двор, подозвал к себе Бюде.

– Сойди вниз, Гильом, – и прими гостя, как я тебе приказывал.

– Займитесь Лотреком, ваше величество, – сказал вполголоса Бонниве, – он стоит один посреди залы; если он подойдет к окну и увидит свою сестру, то, разумеется, возьмет ее под свое покровительство; тогда нам будет очень трудно выполнить наш план, если он только не будет окончательно расстроен, что всего вероятнее.

Но король не слушал его. Он был весь поглощен тем, что делалось во дворе. Молодая графиня въехала во двор на белом иноходце; разгоряченная верховой ездой, немного сконфуженная при виде множества незнакомых ей людей, она остановилась в нерешительности и с любопытством осматривалась кругом. Наконец она заметила Бюде, который вышел ей навстречу из замка, с радостью протянула ему обе руки и, опираясь на его плечо, грациозно соскочила на землю.

– Вы были совершенно правы, – сказал король Бонниве, – это действительно прелестное создание!

– Если ваше величество не займет чем-нибудь Лотрека, то вы больше не увидите ее!

Вот герцогиня идет к одному окну, Лотрек к другому; только Семблансэ замер посреди залы, как несчастная жертва, которую ведут на заклание...

Король поспешно отошел от окна и, подозвав к себе Лотрека, увел его на другой конец залы, где окна выходили на луг, который виден был из комнаты герцогини.

– Можешь ли ты дать мне честное слово, Лотрек, – спросил вполголоса король, – что только недостаток средств был причиной нашей неудачи?

– Нет, король, не это одно повредило нам. Я держался слишком осторожного способа действий и не пользовался тем, что составляет лучшее преимущество наших дворян и жандармов на войне, а именно: быстрого натиска. Это помешало успеху, а недостаток в деньгах довершил остальное.

– Значит, несмотря на потерю, мы получили урок, которым мы можем воспользоваться?

– Убежден в этом.

– Если так, то еще не все потеряно! Теперь представляется случай исправить дело! Ты должен немедленно ехать на место военных действий... разумеется, в том случае, если ты простил мне мою горячность, мой милый Лотрек! Дай мне руку. Твоя откровенность душевно порадовала меня; мы только тогда можем исправить наши ошибки, когда будем искренне сознаваться в них. В следующий раз, когда окажется нужным, мы соединим смелость с осторожностью и достигнем цели... Милан будет опять в моих руках, не так ли? Господин канцлер Дюпра, примите меры, чтобы этот несчастный Семблансэ был призван к строгой ответственности перед судом парижского парламента за утайку 400 000 экю.

– Я не виновен в этом, ваше величество!

– Мы увидим!

Глава 5

План Бонниве относительно графини удался полностью потому, что она очутилась одна в доме короля, без всякой защиты. После долгих и настойчивых расспросов ей сообщили, наконец, что ее муж несколько дней тому назад уехал в Блуа, а брат – за несколько часов до ее приезда. Ей доказывали самым красноречивым образом, что граф Шатобриан, вероятно, вернется в самом непродолжительном времени, потому что иначе он не вызвал бы ее в Блуа и во всяком случае оставил бы ей письмо. Следовательно, графиня может быть совершенно спокойна, а несколько дней пройдут для нее незаметно в обществе обходительной герцогини Маргариты.

Тем не менее, графиня до известной степени напоминала собой запуганную лань. Если бы она чувствовала почву под своими ногами и строгий супруг хоть чем-нибудь заявил о своем существовании, то она была бы вполне счастлива, что вместо однообразной жизни в бретонском замке очутилась неожиданно в таком веселом обществе. Пока с нею был Бюде, к которому она относилась с полным доверием, то, несмотря на мучившую ее неизвестность, на лице ее по временам появлялась светлая улыбка, и она с любопытством расспрашивала его об обитателях замка. Но Бюде не мог постоянно оставаться с нею. Маргарита осыпала ее любезностями. Адмирал Бонниве приказал спросить, не может ли он чем-нибудь услужить ей. Даже король послал ей приветствие. Но все это настолько смутило ее, что она, заливаясь слезами, удалилась в свою комнату под предлогом болезни.

Она не знала, что ожидает ее, но при всей неопытности догадывалась, благодаря тому своеобразному инстинкту, который является иногда у женщин, что в жизни ее наступает кризис. Мы не знаем, прирожденное ли это свойство или навеянное воспитанием, но вопреки всему тому, что говорят защитники женской эмансипации, женщина в большинстве случаев, даже при свободном выборе, готова лучше выносить самое тяжелое существование, чем отважиться на какую-нибудь перемену. Молодая графиня, живя в одиноком бретонском замке, не раз горько плакала от грубости своего мужа, который с презрением относился к ее лучшим духовным стремлениям и в то же время выказывал по отношению к ней какую-то полусознательную нежность. Эта нежность со стороны мужчины всегда кажется навязчивой женщине и возбуждает ее неудовольствие, если она не в состоянии отвечать на его страсть. Графиня никогда не чувствовала ни малейшей привязанности к своему мужу, но, получив вполне женское воспитание, она скоро свыклась с супружеским гнетом и даже не замечала того отвращения, которое внушал ей граф. Мы выносим иногда, таким образом, годами величайшие неприятности и не сознаем этого, потому что у нас не было случая для сравнения или сопоставления. У графини, в первые дни ее пребывания в королевском замке Блуа, не было другого стремления, как вырваться скорее из этого блестящего мира, ненавистного ее мужу, и вернуться в замок Шатобриан. Она знала, что граф встретит ее грубыми упреками за ее невольное пребывание при дворе, но она готова была лучше выслушать его выговор и упреки, нежели переносить возрастающие мучения совести. Хотя она была слишком умна, чтобы придавать большое значение банальным фразам о нравственности, которые она так часто слышала от своего супруга, тем не менее, эти фразы, при ее полной неопытности в жизни, были пока для нее единственным нравственным кодексом. Она беспрестанно повторяла себе, что должна уехать из Блуа, но с каждым днем это становилось для нее все труднее. Причина такой нерешительности заключалась не в том, что графиня увлеклась каким-либо красивым и блестящим кавалером двора Франциска I, но она подчинилась несравненно более опасному для нее влиянию. Герцогиня Маргарита была вполне подходящей личностью, чтобы заслужить доверие молодой женщины при ее угнетенном состоянии духа и незаметно вывести ее на новый путь. Сестра короля была сама несчастна в супружестве; ей также приходилось бороться с посредственностью и искать исхода; при этом она была живого характера и богато одарена умом. Несмотря на искреннее

стремление к добродетели, она понимала прелесть существования, богатого наслаждениями, а там, где дело касалось любимого брата, она была подчас более снисходительна, нежели того требовала ее совесть. Волокитство было тогда в моде; оно шло рука об руку с возрождением искусств и находило себе оправдание в пробудившемся стремлении восстановить прославленное средневековое рыцарство с его заманчивыми приключениями. При этих условиях легко можно себе объяснить, почему сочинительница веселой новеллы «История счастливого любовника» не пренебрегла никакими средствами, чтобы убедить графиню в несостоятельности ее провинциальных понятий о нравственности. Между тем эта опасная искустельница, характер которой трудно определить в точности, никогда не покровительствовала распутству своего брата; и сам Франциск тщательно скрывал от нее свои мимолетные любовные приключения, потому что она называла их тривиальными и очень строго относилась к ним. Рыцарские романы были любимым чтением Маргариты и привели ее к своеобразному мирозерцанию, отражение которого, по мнению знатоков французской истории, до сих пор заметно в духе и нравах современного французского общества, несмотря на его своеобразные фазисы развития и все те перемены, которым оно подверглось в течение трех столетий. Согласно этому мирозерцанию герцогиня пришла к убеждению, что самоотверженная дружба должна была делаться основой всяких сношений даже между лицами различных полов, потому что только при этом условии возможно полное и наивное доверие людей друг к другу. Она изобрела так называемые «alliances» (альянсы), в которых друзья разного пола считались братом и сестрой. Им предоставлялось открыто выражать свою взаимную любовь, основанную на духовном влечении, и этим уничтожалась всякая возможность порицания или осуждения. Такого рода союзы Маргарита уже ввела при своем маленьком дворе в Алансоне, и она стремилась теперь распространить их при дворе брата. Само собой разумеется, что эти союзы на деле оказались далеко не такими невинными, какими воображала их учредительница, но, тем не менее, из них выработались известные формы и отношения общежития, которые в значительной мере способствовали смягчению нравов. В данном случае виден любопытный контраст между шестнадцатым и нынешним столетием. Альянсы времен Франциска I были возобновлены во Франции в девятнадцатом веке сенсимонистами и социалистами и проникли в среднее сословие; и то, что прежде представляло собой не более как форму, должно было превратиться здесь в серьезный основной закон для свободных отношений между мужчинами и женщинами. Маргарита сочувственно относилась к кальвинизму и даже впоследствии увлеклась им; если бы сенсимонисты появились в ее время, то она, вероятно, приняла бы и их учение и до известной степени старалась бы применить его на практике. В этом случае, как и во многих других, Маргарита представляла резкий контраст со своим братом, несмотря на кажущееся сходство характеров. Франциск как эгоист, в полном смысле этого слова, никогда не задавался мыслью о благе человечества и, не признавая никакой обязательной системы, находил прелесть жизни в контрастах и случайных удовольствиях.

Неизвестно, насколько Франциск посвятил сестру в тайну своих намерений относительно графини Шатобриан. Вероятно, их объяснение ограничилось общими местами вроде того, что следовало бы вырвать молодое богато одаренное существо из рук сурового сеньора, который не умеет ценить доставшееся ему сокровище. Но этого было вполне достаточно, чтобы возбудить участие Маргариты и желание оказать содействие брату в таком добром деле. Король, как бы в подтверждение своих слов, держался совершенно в стороне, так что Маргарита, тронутая его сдержанностью, сама доставила ему случай присмотреться ближе к прекрасной Франциске. Герцогиня считала неудобным пригласить короля в свою комнату, потому что молодая женщина была бы слишком стеснена его присутствием, и предложила ему сесть у окна в соседней комнате, дверь которой была открыта и где Франциск мог видеть в зеркале всю фигуру графини и слышать каждое ее слово. Графиня Шатобриан держала себя совершенно просто и непринужденно с сестрой короля, которая внушала ей полное уважение, тем более что из

всего королевского семейства одна Маргарита пользовалась общим уважением за свою нравственную жизнь.

– Если вы считаете неприличным, чтобы я вернулась в замок Шатобриан, – сказала графиня, – то я готова покориться вашему решению, но мне кажется необходимым написать моему мужу...

– Я все-таки не теряю надежду убедить вас, – возразила Маргарита. – Ваш муж приказал вам приехать сюда и, не заботясь ни о вашей репутации, ни о вашем удобстве и безопасности, уехал из Блуа. Разве он заслуживает какого-либо внимания с вашей стороны после такого нерыцарского поступка! Поймите, что мужчины обращаются с нами так, как мы поставим себя относительно их. Они страстны, грубы, себялюбивы до нелепости и относятся крайне невнимательно к нам вследствие вкоренившегося в них самообольщения, что они принадлежат к избранному полу, который один имеет значение для человечества. Мы должны систематически изобретать известные формы, чтобы ежедневно напоминать им, что мы не хуже их; при этом нам следует поставить себе за правило, что каждая из нас, в своих хороших и дурных отношениях к тому или другому мужчине, должна иметь в виду общую пользу. Это было бы полезно даже лучшему из мужей, потому что они безгранично пользуются очарованием женской красоты и уничтожают тяжеловесными однообразными отношениями всякую возможность перемены, всю прелесть счастья, которое мыслимо только до тех пор, пока мы не уверены в нем.

– Но женщина не должна прибегать к таким мерам, которые подрывают власть мужчин, так как даже религия учит нас, что муж глава в доме.

– Позвольте вам заметить, графиня, что это совершенно старосветские понятия.

– Разве может устареть религия?

– Само собой разумеется, что могут устареть способы, какими объясняют религию.

– Я не стану спорить против этого. Но мне кажется, что если мы будем держаться известной системы в супружеской жизни, то предстоит другого рода опасность – постоянно лгать и притворяться. Между тем в моем воспитании все было направлено к тому, чтобы я всегда говорила прямо то, что думаю, и никогда не отступала от истины, так как это единственный способ остаться добродетельной и сохранить спокойную совесть. Неужели я должна намеренно играть роль перед человеком, которому отдала меня душой и телом? Как совместить подобные противоречия?

– Вы до сих пор остались наивной девочкой! Неужели вы думаете, что наше воспитание имеет какое-либо значение! При первом вступлении в свет вы встречаете ряд грубых противоречий и не можете справиться с ними, пока опыт не научит вас различать вещи и у вас мало-помалу составится собственное суждение. Молодой неопытный человек, являясь в общество, представляет собой больного, который не может ходить без помощи костылей; он опирается на них, пока чувствует свою несамостоятельность, и потом отбрасывает их от себя.

– Но я еще не чувствую себя самостоятельной и вообще не уверена, составляет ли это назначение женщины?

– Такое сомнение само по себе преступление, потому что Бог создал нас такими же совершенными, как и мужчин.

– Может быть, но только это совершенство должно проявиться в ином круге деятельности, а не там, где требуется физическая сила, мужество и все преимущества самостоятельности. Для чего же существует различие полов, если каждый из них может и должен жить независимо один от другого? Этому противоречат ваши собственные чувства и материнские обязанности, возложенные на вас природой для продолжения человеческого рода. Нет, женщине не следует добиваться самостоятельности и брать ее своим девизом!

– Bravo! – воскликнула с улыбкой Маргарита, обнимая свою гостью, у которой выступила яркая краска на лице. – Вы положительно превосходите всех наших придворных дам умом и зрелостью своих взглядов. Но что заставило вас так рано задумываться над серьезными вопро-

сами жизни? Не счастливое ли супружество и мирное существование в комфортабельном бретонском замке?

– Нет, я никогда не была счастлива, – ответила со смущением графиня.

– Я в этом была уверена. Счастье не способствует размышлению, – возразила Маргарита.

– Не знаю. Но в ваших словах я нашла подтверждение моих сомнений, которые часто являлись у меня, хотя они, быть может, совершенно неуместны. Так, например, я много раз спрашивала себя: неужели мы, женщины, не можем облагородить мужчин и сделать их лучше и честнее? Если бы это было достижимо для нас, то я вполне помирилась бы с мыслью, что сила и власть всегда останутся на их стороне.

– Моя милая графиня, как вы стараетесь скрыть те страдания, которые вы испытывали от неразвитости и сурового обращения вашего мужа! Не противоречьте мне, вы могли убедиться по опыту, как тяжело мыслящей женщине зависеть от произвола мужчины, тем более что в большинстве случаев они не стоят той власти, которой пользуются.

– Не все же они грубы и не образованы! Разве мы не удивляемся их гениальным произведениям! Какой поразительный возвышенный мир открывается нам в картинах, привезенных из Италии, которые я видела проездом в Фонтенбло! В немом восторге стояла я перед картинами Рафаэля: Святым Михаилом и изображением святого семейства. Тут только я поняла, что может дать нам сочетание силы, величия и нежности, высокого художественного полета и простоты. С этих пор я уже не могла отрешиться от мысли, что подобное совершенство может произвести только гений мужчины, а мы, женщины, не способны создать что-либо, требующее такого могущества и разнообразия таланта. Разве мы не видим перед собой пример монарха, который благодаря своему необычайному уму поставил искусство на неслыханную высоту? Он щедро вознаграждает художника и, что еще важнее, возбуждает его энергию оказанным ему почетом. Мы видели тогда в Монтаржи шествие, вышедшее из Лиона навстречу картине, которую принимали с тем же почетом, как самые важные мощи из Святой земли. При громких звуках музыки, со всей праздничной пышностью и великолепием, которое так действует на наше воображение, он велел снять покрывало с картины, которая тогда в первый раз предстала глазам зрителей. Такая смелая мысль могла явиться только мужчине, потому что он сознает свои права и не боится нововведений, как женщины.

– Кого вы восхваляете, графиня?

– Вашего брата, короля Франциска.

– Если вы так высоко цените его, то почему избегаете всякой беседы с ним?

– Боже мой, о чем могу я говорить с ним при том неловком положении, в каком нахожусь теперь.

Король при последних словах поспешно встал со своего места и, пожав руку стоявшему возле него Бюде, сказал вполголоса: «Благодарю тебя, Гильом, ты был прав. Эта женщина достойна разделить со мной престол!»

Затем, не обращая никакого внимания на просьбы канцлера, который сделал даже попытку удержать его за руку, Франциск бросился к двери и вошел в гостиную своей сестры.

– Позвольте мне поблагодарить вас! – сказал он, подходя к графине и целуя ее руку. – Вы поняли меня лучше, чем кто-либо из моих придворных. Я был случайным свидетелем вашего разговора с моей сестрой, потому что остановился на минуту перед дверью из боязни помешать вам. Но я не выдержал, – добавил он улыбаясь, – когда услышал такую преувеличенную похвалу себе, и решился войти. Теперь мне остается только просить у вас извинения за мой невольный поступок.

Король своим неожиданным появлением разрушил все планы Маргариты. Графиня холодно отвечала на его любезности и не могла скрыть своего смущения, потому что видела в его подслушивании какой-то преднамеренный и непонятный для нее расчет. Хотя в глубине души она была польщена вниманием короля и многое нравилось ей в блестящем придворном

обществе, но сознание долга и робость удерживали ее от соблазна и гнали назад, в печальное уединение Бретонского замка. Она предвидела, что ей дорого обойдется ее невольное пребывание в Блуа, но она обладала тем пассивным мужеством, благодаря которому женщина спокойно идет навстречу ожидающим ее неприятностям. До настоящего момента она почти безропотно покорялась кроткой власти герцогини, и только теперь у нее явилось сознание настоящей необходимости написать мужу. Верная служанка Луизон, которая из преданности к молодой графине последовала за нею из Пиренеев в Бретонь, вызвалась отправить гонца к графу Шатобриану. Хотя все говорили графине, что ее муж неожиданно уехал в Париж по какому-то настоятельному делу и что он скоро вернется в Блуа, она не верила этому и хотела, чтобы ее посланный, побывав в Париже, отправился в Бретонь.

Между тем на деле это оказалось не так легко, как воображала Луизон. Она скоро отыскала человека, который согласился отвезти письмо графине, но Флорио, получивший хорошую плату за свои труды, внимательно следил за дальнейшим ходом интриги и был не менее своего господина заинтересован в ее успехе. Он расположился в комнате привратника, через которую должны были проходить все выходившие из замка и где собирались люди, ожидавшие случайных поручений. Таким образом, Флорио не стоило особенного труда подкараулить Луизон и выманить у нее письмо. Но итальянцу не удалось полностью обмануть догадливую служанку; она тотчас сообщила своей госпоже, что по некоторым соображениям не считает надежной отправку письма и советует написать другое. Графиня, еще более взволнованная этим новым доказательством каких-то тайных козней против нее, решила отправить свое второе письмо необычайным способом, который вполне соответствовал ее детской наивности и незнанию жизни.

После неожиданного визита короля графиня уже не имела никакого предлога отказываться от мужского общества, собиравшегося по вечерам у Маргариты. Король, по совету сестры, вовсе не показывался в первые дни, и графиня чувствовала себя довольно свободно среди ученых и художников, тем более что тут был и канцлер Бюде, к которому она относилась с искренним доверием. Но вскоре на вечерах герцогини стали появляться веселые любимцы короля; в числе их были Бонниве и Шабо де Брион, самый юный и самый красивый из придворных Франциска I. Он вел себя очень скромно относительно графине и выказывал ей полное уважение, тогда как Бонниве не мог устоять в своей первоначальной решимости и в первый же вечер смело принялся ухаживать за молодой женщиной, хотя лучше чем кто-нибудь знал о тайных намерениях короля. Свободное обращение адмирала, представлявшее резкий контраст со сдержанностью остальных кавалеров, понравилось графине при ее возбужденном состоянии. Она не боялась открытого нападения и с простодушной веселостью поддавалась на игру слов, пикантных намеков и удивила всех своим остроумием и находчивостью. Но во время оживленного разговора с Бонниве, когда графиня, по-видимому, совершенно забыла о своем затруднительном положении, она успела заметить человека, искренне расположенного к ней, и решила обратиться к его помощи. Это был Шабо де Брион. Она была убеждена, что скорее может доверить ему отправку письма, нежели Бюде, который казался ей слишком трусливым и нерешительным в важных делах. Вряд ли кому-нибудь кроме женщины могла прийти мысль обратиться с подобной просьбой к одному из молодых любимцев короля. Самый преданный друг не осмелился бы посоветовать это графине, хотя так же как и она заметил бы то поэтическое влечение, которое чувствовал к ней Шабо де Брион.

Но графиня слепо верила своему инстинкту, потому что он редко обманывал ее. Она воспользовалась первым удобным случаем, когда очутилась наедине с Шабо де Брионом в нише окна, и рассказала ему в общих чертах о своем затруднительном положении и желании написать мужу. Не говоря Бриону ни слова о доверии, которое он внушал ей, графиня прямо попросила его взять на себя отправку письма. Брион, как человек неиспорченный, был очень польщен

ее доверием и, не задумываясь, обещал послать графу письмо, которое должна была передать ему Луизон.

С этой минуты графиня почувствовала себя довольной и счастливой; застенчивость ее окончательно исчезла, и она приняла деятельное участие в общем разговоре. Герцогиня не знала, радоваться ли такой перемене, потому что приписывала ее ухаживанию красивого Бонниве, чем разрушалась ее затаенная мечта, что графиня подчинится влиянию ее брата.

Когда общество разошлось и они остались вдвоем, Маргарита не могла скрыть своего недовольствия и сказала графине:

– Если не ошибаюсь, красивые мужчины приводят вас в лучшее настроение духа, нежели умные.

– Разумеется! – возразила со смехом графиня. – Разве может что-нибудь производить на нас более приятное впечатление, чем красота!

Герцогиня тотчас заметила, что выразилась не совсем удачно, потому что все считали короля красивым и статным, и поспешила исправить свой промах.

– Мне хотелось бы знать, – сказала она, – неужели вы предпочитаете внешний лоск осмысленной красоте?

– Да, если вопрос идет о хорошем расположении духа. Но какое это может иметь значение сравнительно с тем впечатлением, которое может и должен произвести на нас человек на всю нашу жизнь. Я убеждена, что красавец никогда не в состоянии возбудить глубокой и прочной привязанности. Безупречная красота, которую изображают в картинах, производит на нас мимолетное впечатление; но если мы почувствуем склонность к человеку со своеобразной, хотя и некрасивой физиономией, то его образ навсегда запечатлевается в нашей душе.

Это объяснение еще менее показалось утешительным сестре короля, чем первое беззаботное восклицание графини, которая с этого вечера сделалась неразрешимой и вследствие этого еще более интересной загадкой для всего двора. Ее застенчивость исчезла и проявлялась только в те моменты, когда к ней подходил король. Но чем труднее и невозможнее казалась победа над загадочной молодой женщиной, тем сильнее волновался король и хотел добиться своей цели. В нем заговорила ревность прежде, чем явилась малейшая надежда на успех; и эта страсть была тем мучительнее для него, избалованного женщинами, что он никогда не испытывал ее прежде. Необдуманная фраза, сказанная им канцлеру Бюде сгоряча и не совсем искренне, относительно своего желания возвести на престол графиню Шатобриан, сделалась для него серьезным намерением. В случае неудачи он готов был дать и это обещание графине Шатобриан, хотя знал, что ее согласие на брак не будет ручательством привязанности к нему, а может быть вызвано стремлением занять высокое положение в свете.

Прошла неделя. В королевском дворце ничто не изменилось: все были убеждены, что Бонниве пользуется особенным расположением графини, потому что с ним она охотнее говорила, чем с другими, и ему чаще всех удавалось вызвать ее веселый смех. Что же касается Бриона, то он мог прямо упрекнуть ее в неблагодарности; она редко обращалась к нему с каким-нибудь замечанием и явно избегала сколько-нибудь серьезных и продолжительных разговоров с ним. Но со всеми художниками графиня была в наилучших отношениях; у нее самой были большие способности к живописи, она удачно копировала эскизы, которые попадались ей под руку. Ласкарис и Бюде знакомили ее с содержанием песен Гомера, и она целыми часами внимательно слушала их. Не менее интересовали ее рассказы старого грека об умственной и религиозной жизни древней Греции и пространные рассуждения Бюде, когда тот распространялся о церковной реформе, совершавшейся тогда в Германии и Швейцарии. Но если в этих случаях к ним подходил Клеман Маро и с комической важностью расспрашивал канцлера о спорных пунктах церковной реформы, то графиня сразу кончала серьезный разговор какой-нибудь шуткой и просила Маро научить ее французскому стихосложению или составлению девизов, которые были тогда в большой моде.

Однажды после обеда король неожиданно присоединился к кружку, образовавшемуся около молодой графини, и попросил позволения принять участие в общем разговоре. Графиня тотчас же сделалась молчаливой и сдержанной, так что король опять не мог убедиться, действительно ли она так талантлива и умна, как говорили его придворные. Но разве подобные соображения могут остановить влюбленного! Для короля они также не имели никакого значения, хотя он был убежден, что все уверения Бюде, Маро и других господ относительно необыкновенного ума графини не более как любезности, которые хотят оказать его гостю и красивой женщине. На этот раз он решил отложить всякое ухаживание и свел разговор на серьезные предметы, в надежде что графиня почувствует себя менее стесненной в его присутствии. Расчет оказался верным.

Франциск не чувствовал никакой склонности к ученым спорам и многостороннему исследованию предмета, но он обладал редким даром обобщения, благодаря которому рисовал перед своими слушателями величественную картину, иногда преувеличенную, но всегда полную ума и художественно выполненную в частностях. Слушая его, казалось, что не только Франция, но и вся Европа должна была получить по его инициативе совсем иной вид. Но, в сущности, все его широкие планы сводились к видоизменению старого; он не хотел радикального преобразования или уничтожения существующих порядков, и даже тот новый элемент, который он стремился внести в мир, он искал не в будущем, а в прошлой истории человечества, и преимущественно в средневековых традициях.

– Если бы вы знали, графиня, – сказал он в заключение своей речи, вставая с места и делая знак рукой, чтобы все удалились, – какую тяжелую борьбу мне приходится вести с рутиной! Ничто не подготовлено, и я теряю дорогое время на разные приготовления, нередко забывая свою главную задачу среди мелких повседневных забот. Около *меня* нет ни одного человека, который бы с любовью проводил мои планы, несмотря на препятствия, встречающиеся на пути, и поддержал бы меня в трудном деле управления государством.

– А ваша сестра? – возразила графиня, которая слушала короля с замиранием сердца, так как ей казалось, что она видит перед собой тот идеал мужской силы и всеобъемлющего ума, которому она поклонялась в душе. Только ему мог быть доступен широкий круг творческой деятельности, о которой он говорил с таким увлечением. Погруженная в новый мир, неожиданно открывшийся перед ней, она в первый раз не обратила внимания на то, что ее оставили наедине с королем.

– Моя сестра! – сказал печально король, взволнованный темой разговора и отчасти кокетничая своим душевным расстройством. – Пытливый ум Маргариты стремится к точному исследованию и утомляет меня своим постоянным анализом, чуждым творчества. Наконец, у каждого из нас свои интересы; у нее есть муж и целый мир помимо меня. Совместная деятельность возможна только там, где люди соединены друг с другом душой и телом...

Франциск умолк; графиня ничего не ответила ему. Был теплый осенний вечер; она стояла в белом платье, облокотившись о спинку кресла, голова ее наклонилась вперед. Задумчиво и с участием смотрела она на мужественное, красивое лицо короля, глаза которого были устремлены на ковер.

– Помогите мне! – воскликнул он, стремительно вставая со своего места и беря ее за обе руки.

Графиня вздрогнула и проговорила чуть слышным голосом:

– Какую помощь могу я оказать вашему величеству?

– Королева при смерти. Будьте моей женой.

Графиня окончательно смутилась.

– Вашему величеству известно, – сказала она, – что я жена графа Шатобриана.

– Он не достоин вас! Вы призваны играть более видную роль!

– Воля родителей и церковь связали меня с ним...

– Церковь может развязать вас... С этой стороны не будет никаких препятствий!.. Вы отворачиваетесь от меня и не только не отвечаете на мою любовь, но как будто боитесь меня.

– Да, мне страшно оставаться с вами, – сказала графиня, заливаясь слезами, – отпустите мою руку. Если вы действительно расположены ко мне, то не мучьте меня!.. Благодарю вас.

Говоря это, она прикоснулась дрожащими губами к руке короля и поспешно вышла из комнаты. Франциск не решился удерживать ее, несмотря на всю свою смелость с женщинами; слезы и испуг графини Шатобриан смутили его, потому что он совершенно не ожидал подобного исхода.

На следующий день был назначен праздник в королевском замке по случаю окончания построек. Король послал Шабо де Бриона спросить графиню, не угодно ли будет ей сделать ему честь и явиться к столу и что в случае ее отказа праздник будет отложен до того времени, пока она не изъявит своего согласия.

Брион не особенно охотно взялся за это поручение, тем более что должен был сообщить графине не совсем приятные вести. Он застал ее в печальном настроении духа. Выслушав приглашение короля, она объявила наотрез, что не явится официально ко двору до приезда мужа.

– Граф Шатобриан, – возразил Брион, – будет в Блуа в самом непродолжительном времени.

– Боже мой!..

– Гонец, отправленный мною с вашим письмом, привез мне известие, что он всего на несколько минут опередил вашего мужа. Вдобавок я должен сообщить вам, что граф в высшей степени недоволен вашим пребыванием в королевском замке и бросил ваше письмо, не дочитав его.

– Еще этого не доставало! – проговорила с отчаянием графиня, закрыв лицо руками.

– Позвольте мне предложить вам свои услуги, если вы имеете повод опасаться необдуманной горячности вашего мужа. Я выеду к нему навстречу и объясню, каким образом вы попали сюда... Хотя мне ничего неизвестно, но я догадываюсь, как это случилось... Если ему неужгодно будет обратить внимание на мои слова, то я могу принудить его со шпагой в руке к приличному обхождению с благородной женщиной.

– Ради Бога, не делайте этого, Брион; это еще больше усилит его гнев... или, лучше сказать, его неудовольствие, и вы только ухудшите мое положение!.. Во всяком случае, благодарю вас от всего сердца!..

При этих словах граф Шатобриан неожиданно вошел в комнату. Он был сильно расстроен; пот струился по его лицу, покрытому мертвенной бледностью; он держал в руке обнаженную шпагу, обрызганную кровью, так как за минуту перед тем ранил и сбил с ног Флорио, который, стоя у входа в комнаты герцогини Алансонской, хотел было остановить его.

– Извините, я, кажется, помешал вам, – воскликнул он, увидя жену свою в оживленной беседе с Брионом.

– А! Это вы, граф! – сказала графиня тоном, в котором слышался скорее испуг, нежели радость свидания. Она сделала несколько шагов ему навстречу.

– Да, за вами приехал ваш муж, – ответил он, сердито схватив ее за руку, – вы должны тотчас же последовать за мной! Торопитесь, пока еще нет никаких препятствий! Впрочем, все это вздор! Кто может помешать графу Шатобриану увезти свою жену из дома насилия!

При этих словах Брион поспешно подошел к графу и, взяв его за руку, сказал решительным, хотя сдержанным тоном:

– Это дом короля, а не дом насилия, граф Шатобриан! Вы ответите перед королем и всеми нами за свое неприличное поведение в королевском замке и за насилие, которое вы позволяете себе с дамой, пользующейся всеобщим уважением.

– Молодой дворянин, тебе, как искателю приключений, следует знать, что не все приключения кончаются удачей. Эта дама моя жена и ты не смеешь ни оскорблять ее, ни хвалить или играть роль покровителя. Я один имею право считать себя ее господином!

– Умоляю вас, Брион, оставьте нас! – воскликнула графиня. – Если вы хотите оказать мне услугу, то поспешите вперед и позаботьтесь, чтобы никто не помешал нам.

Брион молча поклонился графине и вышел из комнаты.

Но граф от этого пришел в еще большую ярость и так сильно сжал руку своей жене, что она застонала.

– Вы, кажется, со всеми перезнакомились здесь, недостойная женщина! – крикнул он, задыхаясь от бешенства. – Вы запятнали мое имя и честь! Мне следовало бы убить вас в этих комнатах, которые были свидетелями вашего позора, чтобы ваша смерть послужила назидательным примером для современников и потомства!

– Вы напрасно обвиняете меня, граф, я не совершила никакого преступления!

– Негодная женщина!

– Я приехала сюда по вашему приказанию...

– Как ты нагло выучилась лгать и в такое короткое время! – воскликнул граф и с такой силой оттолкнул ее от себя, что она упала на пол в обмороке.

В это время отчаянные крики Флорио подняли на ноги весь замок. Брион, выйдя в переднюю, застал здесь целую толпу слуг, сбежавшихся с разных сторон; через несколько секунд явился и Бонниве во главе дворян, находящихся в этот день на службе в замке. Красивый адмирал казался встревоженным; взяв Бриона под руку, он почти насильно заставил его вернуться в комнаты герцогини. Они вошли в тот момент, когда графиня упала без чувств к ногам своего мужа. Не помня себя от негодования, оба дворянина бросились на графа, который встретил их бранью и поднятой шпагой, но они скоро обезоружили его.

– Король! Король! – послышалось на лестнице, и прежде чем кто-нибудь успел оказать помощь графине, лежавшей на полу без малейших признаков жизни, король Франциск вошел в комнату.

Глава 6

Прошло полгода после вышеописанной сцены между графом и графиней Шатобриан в Блуа.

В последних числах марта король сидел на южной стороне замка Фонтенбло и следил за рассадкой растений и земляными работами, которые производились в этом месте для устройства обширного цветника. Постройки в Фонтенбло занимали тогда сравнительно небольшое пространство. Король Франциск, которого можно считать первым строителем замка, переделал бывший здесь убогий охотничий домик и, соединив его с капеллой и церковью, обнес галереей и двором.

Этот новый, как бы случайно возникший замок имел несравненно более своеобразный и романтический вид, нежели в позднейшее время. Кругом тянулся высокий густой лес, как темно-зеленое море; несмотря на многочисленные порубки, он так же льнул к замку, как к прежнему охотничьему домику. Ни ветер, ни говор людской не проникали в него; солнце только несколько часов спустя после восхода могло освещать замок, окруженный со всех сторон гигантскими деревьями. В ранние утренние часы каким-то волшебным зеленоватым светом освещалась дерновая терраса, устроенная Франциском перед большой крытой галереей; только весенние птицы своим веселым щебетаньем прерывали тишину. По ночам прилетала кукушка. Король, услышав ее в первый раз в этом году и поддавшись невольному суеверию, принялся считать, сколько раз прокукует она без остановки.

– Значит, ты пророчишь мне всего пятьдесят лет жизни! – воскликнул со смехом король, когда кукушка замолкла. – Не особенно много, но достаточно, если удастся сохранить до этих лет здоровье и силу!..

Четырехугольное пространство, на котором Франциск приказал вырубить лес для будущего сада, должно было украситься на четырех углах изящными павильонами. Два павильона уже были почти окончены на дальнем конце сада; вблизи них, за высокими буками, покрытыми весенними почками, виднелась зеркальная поверхность озера на темном фоне сосен и елей, под которыми был устроен грот. Но это были только зачатки широко задуманного им плана; он не знал, насколько удастся ему выполнить его в частности. Занятый этими мыслями, он обратился за советом к матери и сестре, которые в это время входили в галерею, обращенную в сад. Он сделал это скорее из вежливости, нежели из желания узнать их мнение, потому что редко принимал чей-либо совет или следовал чужой инициативе. В деле вкуса он выказывал полную самостоятельность, что нельзя поставить ему в упрек, потому что в этом никто из окружающих не мог сравниться с ним. Маргарита имела больше склонности к умственной жизни и не обладала таким развитым вкусом в пластике, как ее мать и брат. Что же касается герцогини Ангулемской, то она в это время вовсе не была расположена поддерживать разговор об искусстве. Она была расстроена неудачным исходом своих переговоров с коннетаблем и процессом над Семблансэ, который в свою защиту высказал о ней много неприятных вещей, что до некоторой степени отразилось на ее отношениях с сыном. С другой стороны, ее огорчало легкомыслие ее возлюбленного Бонниве, который и прежде часто изменял ей, а со времени своего знакомства с графиней Шатобриан со дня на день становился грубее и невнимательнее в своем обращении.

Она нетерпеливо выслушала вопрос короля и ответила ему недовольным тоном:

– Зачем ты спрашиваешь нас? Разве мы можем дать тебе какой-нибудь совет! Ты ни на кого не обращаешь внимания с тех пор, как эта упрямая Шатобриан удостоила нас своим посещением. По твоему мнению, только она одна имеет вкус!..

– Вы кстати напомнили мне о графине Шатобриан, – сказал король, поспешно поднимаясь со своего места. – Как странно, что она не едет сюда... Брион также не привез до сих пор никакого ответа.

– Я не понимаю тебя, Франциск, – заметила с усмешкой герцогиня Ангулемская. – Стоит ли тратить столько хлопот и времени на эту женщину, которая несмотря на свое замужество осталась совершенным ребенком?

– Что делать! В последние месяцы, проведенные мной в Париже, я мало думал о ней, но образ ее сохранился в моем сердце. Я живо почувствовал это, когда вы произнесли имя графини Шатобриан! Как это ни кажется странным, но моя любовь нисколько не уменьшилась, хотя я, по-видимому, забыл ее.

С этими словами король неожиданно повернулся к замку, оставив спешные работы в саду и дам по своей привычке предаваться всецело поглотившему его впечатлению. Сестра и мать короля были хорошо знакомы с этой стороной его характера; но их удивило, что его могло так сильно взволновать воспоминание, потому что обыкновенно прошлое не имело для него никакого значения.

– Как мне надоела эта графиня, – сказала герцогиня Ангулемская после некоторого молчания, – нужно свести их, чтобы избавиться от нее; его страсть поддерживается неудовлетворенными желаниями!

Маргарита молчала.

После ссоры с мужем в Блуа графиня опасно занемогла, так что долго боялись за ее жизнь и умственные способности. Герцогиня Алансонская ухаживала за ней с самой нежной заботливостью; король со своей стороны выказал такое участие, на которое никто не считал его способным. Когда прошла опасность, он ежедневно посещал больную и относился к ней самым дружеским и искренним образом. При таких очевидных доказательствах глубокой привязанности короля к графине Шатобриан все, безусловно, верили распространившемуся тогда слуху, что весной Бюде будет отправлен в Рим, чтобы выхлопотать расторжение брака графини Шатобриан и благословение папы новой французской королеве. Только одна графиня ничего не знала об этом; когда она настолько поправилась, что могла принимать участие в разговорах, то всегда впадала в печальное настроение, когда речь заходила о супружестве, и с видимою боязнью избегала оставаться наедине с королем.

Наступила зима. Франциск по своему обыкновению решил переехать с двором в Париж; здоровье графини было уже в таком удовлетворительном состоянии, что она могла смело предпринять это путешествие. Все были уверены, что она поедет в Париж с графиней Алансонской и устроится окончательно при дворе, тем более что со времени своей болезни она не могла слышать имя графа Шатобриана без глубокого страха и отвращения.

В день, назначенный для отъезда, король выехал из Блуа верхом со своими приближенными несколькими часами раньше своей сестры; вслед за ним отправилась герцогиня Ангулемская, и только к полудню поданы были мулы с портшезами для герцогини Алансонской и графини, на которых они должны были доехать до первого ночлега в Орлеане. Но по приезде в Орлеан портшез, в котором ехала графиня, оказался пустым. Все поиски и расспросы кончились полной неудачей; и только по прошествии нескольких недель сделалось известным, что молодая женщина достала себе лошадей с помощью слуги графа, оставленного им в Блуа, и дорогой незаметно удалилась от своих спутников. Но куда она делась, оставалось пока неразрешимой загадкой. Все приходило в ужас от мысли, что она вернулась к своему мужу. Наконец Флорио узнал с помощью своих лазутчиков, что графиня не приезжала в Шатобриан и что Батист, слуга графа, которого видели в Блуа незадолго до отъезда двора, также исчез бесследно.

Между тем графиня, отстав от своих спутников, отправилась с Батистом через Лимож в Пиренеи, на свою родину, в Фуа. Это решение было прямым следствием ее болезненного настроения: принося себя в жертву, она надеялась найти успокоение от мучивших ее сомнений. Грубость мужа сделала для нее невозможным дальнейшее сожительство с ним и положила конец рабской покорности, с которой она переносила свою участь; тем более что долгое пребывание в Блуа пробудило в ней дремлющую склонность ее сердца. Она любила короля

и вместе с тем инстинктивно понимала, что за бурными проявлениями страсти в нем скрывалось крайнее легкомыслие и ненасытная жажда новизны и перемены, которые казались ей еще ужаснее, чем суровость ее мужа. Чем больше она думала, тем мучительнее становились ее мысли. В замке Шатобриан у нее остался ребенок, о котором болезненно тосковало ее сердце; она знала, что после ссоры с мужем, вероятно, навсегда будет разлучена с дочерью. К этому примешивалось тяжелое сознание, что окружавший ее мир никогда не простит ей насильственного развода с мужем и увидит в этом самые недостойные побуждения с ее стороны. В себе самой она также не находила никакой поддержки. Воспитанная в правилах строгой нравственности, она считала чуть ли не преступлением свое отречение от супружества, которое было заключено и освящено церковью на всю жизнь. Могла ли заменить все это любовь короля? В его любви она видела только временное увлечение и полное отсутствие глубины и прочности. Сердце побуждало воспользоваться минутой, нашептывая ей, что искреннему чувству нет дела до будущности и что оно довольствуется настоящим. Но совесть удерживала ее и говорила, что при тех несчастных обстоятельствах, в которых она находится, нет иного исхода как отказаться от любви и обречь себя на страдание. Графиня тем охотнее последовала голосу своей совести, что по своей природе, подобно большинству женщин, была более склонна к жертвам, нежели к активному противодействию, и находила своего рода удовлетворение в самоотречении. Ввиду грозившей ей опасности она спаслась бегством в родные горы, чтобы в случае крайности скрыться от света за монастырскими стенами. Она хотела облегчить душу откровенным рассказом перед строгой матерью, которая жила в одиночестве в своем замке Фуа, и во всем подчиниться ее воле. Но, тем не менее, ее сердце билось больше от боязни, чем от радости, когда, поднявшись на последние горы, она увидела перед собой свою живописную родину, окрашенную в суровые краски наступающей зимы. Внизу под ее ногами слышалось завывание ветра, который с шумом проносился по оврагу, высоко поднимая сухие листья и разбиваясь об окружающие скалы и скалистый замок Фуа. Она остановила лошадь и, сбросив вуаль со своего бледного лица, печально взглянула на признаки начинающейся бури и прошептала: «Ты счастливее меня, вольный ветер; если я не найду приюта на утесе Святого Спасителя, где преклоню я свою голову?..»

Тогда еще незначительное и убогое, местечко Фуа лежало в долине, покрытое сероватой мглой; окружающие виноградники, лишенные листьев, представляли печальный вид разрушения и смерти. На западе возвышался замок Фуа, черный и грозный, с двумя четырехугольными и одной круглой башней, построенный на склоне горы Спасителя, вершина которой была уже убелена узкой полосой снега. За нею громоздились все выше и выше пирамидальные массы Пиренеев, покрытые снегами и ледниками, застилая собой горизонт до неприступной Маладеты.

Эта знакомая картина в настоящую минуту наводила ужас на молодую женщину своей неподвижностью; даже река Ариез, орошающая долину со своим притоком Аржет, огибающим замок Фуа, имела мрачный, несвойственный ей вид благодаря полноводию и покрывающим ее льдинам. Глаза графини остановились на большом монастырском здании, стоявшем на самом дне долины, при слиянии двух рек. Здесь, в этом аббатстве, где чтилась память Святой Женевьевы, надеялась она найти себе убежище, в случае если мать не захочет принять ее. Эта мысль настолько ободрила несчастную женщину, что она начала усиленно понукать свою измученную лошадь к спуску с горы.

Батист видел взгляд своей молодой госпожи; ему показалось, что он понял ее. Не потому ли он покачал головой, что был озабочен своей будущностью, зная, что если графиня вздумает удалиться в монастырь, то ему нет возврата в Шатобриан, владелец которого никогда не простит ему его измены? Нет, Батист не беспокоился о своей участи; расставшись со своей госпожой, он прямо отправился бы в Женеву слушать знаменитого проповедника и остался бы там, потому что был сильно увлечен новым религиозным движением, о котором слышал

столько рассказов. Но он вообще относился недоверчиво к монастырям и больше всего боялся для молодой графини ее решимости удалиться в аббатство.

– Не смотрите туда, сударыня! – сказал он вполголоса. – Господь давно уже оставил эти дома!

– Но там я найду спокойствие, а в случае надобности и защиту, Батист, – отвечала графиня.

Она не была уверена, дадут ли ей приют в замке, потому что знала неумолимую строгость своей матери и помнила ее резкие слова по поводу сватовства графа Шатобриана, когда она, пятнадцатилетняя девочка, выразила некоторое отвращение к браку. Бедная Франциска в настоящем случае не могла даже возмутиться против суровости матери и объяснить ее недостатком привязанности к ней! Нет, старая мать искренне любила свое последнее дитя, хотя быть может и не с такой нежностью, как трех сыновей, с которыми ее рано разлучила судьба. Но светские приличия были для старой графини настолько священны, что она не прощала ни малейшего нарушения их. Подобное мирозерцание явилось у нее прямым следствием ее знатного происхождения и ограниченного воспитания; супружество и дальнейшая жизнь должны были еще больше укрепить ее аристократические понятия. Ее муж, Феб граф де Фуа, происходил из древнейшего рода, носившего в течение столетий корону Наварры; в замке Фуа на французского короля смотрели как на простого смертного и не считали нужным что-либо извинить ему во имя его высокого положения. Таким образом, для урожденной Фуа не могло служить оправданием, что она ради короля отступила от супружеской добродетели. Чем могла она доказать, что осталась верна своему мужу? Она знала, как строго и беспощадно осуждала старая графиня всякую женщину за кажущееся нарушение нравственности. Но разве она может считать себя вполне правой! Сколько раз в Бретони хотела она втайне сбросить с себя гнет тяжелого супружества и переносилась всеми своими помыслами и сердцем в волшебный мир, окружавший Франциска, о котором она слышала столько рассказов! Совесть ее не была спокойна; она не знала, будет ли в состоянии вынести строгий взгляд светло-серых глаз ее матери, которая после своего вдовства сделалась еще беспощаднее в своих мнениях, получивших окраску мрачного пиетизма. Какого приема могла ожидать от нее дочь, поставившая себя в такое сомнительное общественное положение? Но тяжелее всех мучительных забот и сомнений была для молодой графини неотвязчивая мысль, неожиданно возникшая в глубине ее души. Эта мысль, приводившая ее в ужас, становилась все настойчивее и осязательнее и, наконец, настолько овладела ее фантазией, что она невольно поддавалась ей. Какой-то неведомый голос нашептывал ей, что муж ее, граф Шатобриан, который мешает ее счастью, умер.

«Господи, – подумала он с испугом, – таким путем искуситель овладевает людьми и доводит их до преступления!...»

Все, что она видела теперь, еще более усиливало ее тяжелое настроение. Узкие улицы городка Фуа, круто поднимающиеся вверх к замку, через которые ей приходилось проезжать, были почти пусты; немногие прохожие с удивлением смотрели на нее и были незнакомы ей. Она забыла, что не была в Фуа со времени своего замужества и что даже знакомым трудно было бы узнать ее под густой вуалью, которой она снова покрыла свое лицо. Ей также не пришлось в голову объяснить пустоту на улицах тем обстоятельством, что наступившая зима в этом суровом климате загнала обитателей городка в их закоптелые дома. Печально поднималась она к замку, но, доехав до середины горы, неожиданно остановила лошадь и, откинув вуаль, протянула руки: ей показалось, что старая графиня Фуа стоит у окна восточной башни. Через минуту руки ее опять опустились на седло.

– Мать не узнала меня, года берут свое; в былые времена глаза ее были так же зорки, как у горного сокола, – проговорила Франциска с печальной улыбкой.

Медленно въехала она на двор, окруженный башнями. Здесь все было пусто; одни только цепные собаки встретили ее громким лаем. Графиня вошла в обширную залу нижнего этажа,

выложенную серым мрамором, которая служила для приема гостей и где некогда ее братья устраивали веселые пиры и проводили часы досуга. С тех пор давно замолкли здесь песни и шум оружия; в зале царила мертвая тишина, но едва графиня сделала несколько шагов, как навстречу ей вылетел ручной ворон, напугав ее своим неожиданным появлением. Он кружился над ее головой, пронзительно выкрикивая: «Франциск! Франциск!»

Сердце несчастной женщины замерло от ужаса при этом имени. Первой ее мыслью было, что мучительная тайна, которую она так тщательно скрывала, уже известна в доме ее матери. Однако она скоро убедилась, что ее испуг не имел никакого основания. Жак, так звали ворона, был ее давнишним приятелем; он тотчас узнал ее и начал повторять ее имя, не договаривая по обыкновению последнего слога, который почему-то не давался ему.

– Мой добрый Жак, ты все-таки не научился выговаривать имя бедной Франциски!.. Зачем встретил ты меня, предвестник несчастья! – сказала печально молодая графиня, глядя ворона, севшего на ее перчатку.

Она старалась пересилить себя и приписать случаю дурное предзнаменование, встретившее ее в доме матери.

– Они, вероятно, не заметили моего приезда, – прошептала она, – слуги заняты, а мать могла не узнать меня... В это время года они не ожидают посетителей, а тем более меня!..

Ободряя себя, таким образом, она поднялась по каменной лестнице и так поспешно пошла вдоль коридора в угловую комнату матери, что Жак едва мог держаться на ее руке, ударял крыльями и безостановочно каркал: «Франциск! Франциск!» Этот зов опять лишил графиню мужества; ноги отказывались служить ей; она остановилась в нерешимости перед тяжелой дубовой дверью. Ей недолго пришлось ждать. Дверь неожиданно отворилась. Она увидела свою мать, высокую женщину в черном платье, стоявшую посреди комнаты; направо от нее находился священник в лиловом одеянии, налево – стройная девушка. Дворецкий, стоя в почтительном отдалении, раскланивался перед старой графиней, которая отдавала ему какие-то приказания.

Молодая графиня, увидев свою мать, хотела подойти к ней, но та остановила ее своим ледяным взглядом и приковала к месту. Немного погодя дворецкий вышел в коридор и запер за собой дверь. Но графиня Шатобриан не сдвинулась с места и молча смотрела на знакомое морщинистое лицо старого слуги, который поклонился, не глядя ей в глаза.

– Графиня Фуа, – сказал он еле слышным голосом, – поручила мне спросить, какого рода услуги желает от нее дама, прибывшая в замок.

– Что это значит, Бернар? Разве вы не узнаете меня?..

– Графиня Фуа предполагает, что вероятно произошло недоразумение вследствие случайного сходства... Ее сиятельство графиня Шатобриан, урожденная Фуа, не станет путешествовать одна по большим дорогам. Она живет в Бретони, в замке своего мужа, графа Шатобриана...

Молодая графиня не нашлась, что ответить на это, и стояла неподвижно перед дворецким, который окончательно растерялся и добавил печальным тоном, что если приезжей даме будет угодно, то ей накроют стол в зале и позаботятся о ее слуге и лошадях для дальнейшего путешествия.

– Для дальнейшего путешествия, – воскликнула графиня, опустившись в изнеможении на каменную скамью у окна и закрыв лицо руками.

Ворон, испуганный этим движением, вскочил на оконный карниз, между тем как дворецкий отошел от нее на несколько шагов, выжидая, на что решится молодая графиня. Крупные слезы текли по его морщинистым щекам.

«Разве я заслужила это?» – спрашивала себя с отчаянием несчастная женщина, припоминая одно за другим события последних месяцев, которые могли навлечь на нее гнев матери. Но чем больше думала она, тем мрачнее становилось у нее на душе; она горько упрекала себя

за то, что, не застав мужа в Блуа, тотчас же не вернулась домой. В этом заключалась ее главная ошибка, испортившая всю ее дальнейшую жизнь. Если бы она могла оправдать себя перед судом собственной совести, то у нее хватило бы мужества бороться с судьбой. Но, не встречая ни в себе, ни в других поддержки, она решила навсегда отказаться от счастья и всего, что составляет прелесть жизни, с тем чтобы обречь себя на безропотное и молчаливое страдание.

Теперь у нее было одно желание: уехать скорее из негостеприимного дома ее матери. Она подняла голову. Перед нею стоял священник в лиловом одеянии. Из груди ее вырвалось радостное восклицание.

– Ты не отвернулся от меня, Флорентин, – сказала она, протягивая ему руку, – и не оставишь меня!

– Церковь не покидает заблудшей овцы.

– Значит, только церковь привела тебя ко мне!

– Только церковь, Франциска! Разве может быть что выше ее!

– Я не спорю против этого. Но сердце друга приносит еще большую отраду и ближе нам.

– Не каждый человек может иметь друга, а церковь открыта для всех. Вспомни о нашей молодости, Франциска, вспомни о том, что так часто говорил тебе наш духовник! Сколько раз предостерегал он тебя от греховной уверенности в собственных силах! Люди не более как тростник, растущий в тине; разве трудно уничтожить его! Но ты поддавалась самообольщению и, рассчитывая на свои силы, вообразила, что ты выше мужа и семейных обязанностей.

– Нет, Флорентин, ты напрасно обвиняешь меня! Судьба распорядилась мной помимо моей воли!

– Судьба – языческое слово, и добрая христианка не должна употреблять его! Ты стремилась к необычайному и ты дорого заплатишь теперь за свое стремление! Ты покинула мужа для удовольствий придворной жизни, как гласит молва, которая с быстротой бури уничтожила твое доброе имя с конца в конец нашей земли. Нам передали, между прочим, что ты из тщеславия позволила себе выразиться о нашей религии, что она выдумана людьми.

– Я не говорила этого! – робко возразила графиня.

– Разве Бюде, Маро, герцогиня Алансонская и вся их клика не вели длинных бесед о преступном учении немецкого еретика, как будто это был самый обыкновенный сюжет для разговора? Разве вы не унижали нашу святую веру, взвешивая ее мерилom несовершенного человеческого ума? Никто из вас не задал себе вопрос: может ли божественное подлежать людскому суду? Ты спокойно слушала эти толки. Разве ты не находила греховное удовольствие в языческом искусстве, которое король проводит в постройке и живописи? Разве ты не забыла свои обязанности и честь, вступив на этот скользкий путь?

– Флорентин, я невинна...

– Невинна! Ты считаешь себя невинной душой и телом?

Франциска молчала.

– Ты, может быть, предполагаешь, что тело важнее души! Спроси себя, положи руку на сердце: осталась ли душа твоя верна супругу, с которым связало тебя таинство церкви? Сохранила ли ты верность католической вере, в которой воспитали тебя? Разве ты не видишь, что мать не признала собственное дитя! Не оттого ли, что земные связи ничего не значат перед небесными узами? Где же земные связи, которые поддерживали и охраняли тебя? Дуновение ветра порвало их; точно дитя в пустыне блуждаешь ты в нашей прекрасной стране, терзаясь горем и раскаянием. Ты сама не уверена, хватит ли у тебя силы устоять против греха или ты обречешь себя на вечную гибель и поддашься ему в надежде найти в нем мимолетное удовольствие и утешение. Вот положение, в которое ты поставила себя, воображая в своем высокомерии, что можешь безнаказанно нарушать законы, данные вам Божественным откровением!

– Чем могу я искупить свой грех? – проговорила, рыдая молодая женщина.

– Молитвой и раскаянием!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.